

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

С О В Е Т С К О Е В О С Т О К О В Е Д Е Н И Е

VI

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1949 ЛЕНИНГРАД

В. А. КРАЧКОВСКАЯ

ЭПИГРАФИКА НА АРАБСКОМ ЯЗЫКЕ
В РОССИИ ДО 1850-х гг.

Задолго до упадка монументального строительства в средне-азиатских ханствах, в Крыму и на Кавказе, в России пробудился интерес к арабской письменности и эпиграфике. В начале он был слабо выражен, не имел характера самостоятельной научной задачи. Сведения о восточных и южных странах проникали в Московское государство через таких торговых людей, как Афанасий Никитин (1466—1472 гг.);¹ доставляли вести русские гонцы, послы XVI—XVII вв. в Закавказье и Персию, иноземные купцы и иностранные посольства к русским царям. Дипломатические документы этого времени не всегда имеют прямое отношение к настоящей теме, но почти все без изъятия связаны с нею косвенно. Пробраться на восток или юг было трудно. Так, например, Григорий Веревкин вынужден был возвратиться с пути в Кахетию в 1616 г., не достигнув цели, из-за нашествия Шāха 'Аббāса I.² Еще в 1522—1523 гг. Исма'йл I, родоначальник династии Сефевидов, представители которой заливали кровью Грузию, построил в Тбилиси „на конце моста“ существующую до настоящего времени мечеть с арабскими надписями. Светские постройки в персидском стиле, по традиции обильно украшенные шрифтовым орнаментом, появлялись в Тбилиси как в XVI, так и в XVII в., особенно в эпоху Шāха 'Аббāса I. Чего не увидел из-за военных действий Григорий Веревкин, то мог свободно наблюдать князь Ф. Ф. Волконский в течение девятемсячного пребывания в Кахетии в 1638—1639 г. при Теймуразе I, двор которого был организован по персидскому образцу.³ Посольству князя Волконского пришлось возвращаться не по тому пути, по которому оно прибыло, через Тушетию, вдоль западного побережья Каспийского моря и увидеть таким образом Шемаху и Дербенд.⁴ Предпоследний сефевидский Шāх Тахмāсп II в период оккупации Азербайджана оставил ряд строительных надписей, особенно на Апшеронском полуострове.

¹ М. А. Полиевктов, *Европейские путешественники XIII—XVIII вв. по Кавказу*. Тифлис. 1935, стр. 53—55. — *Хождение за три моря Афанасия Никитина*. Под редакцией акад. Б. Д. Грекова и чл.-корресп. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1948.

² V. Minor sky. *Tiflis. Epz. d. Isl.*, IV, 1934, стр. 821 и сл. — М. А. Полиевктов, *ук. соч.*, стр. 29.

³ V. Minor sky, *ук. соч.*, стр. 822.

⁴ М. А. Полиевктов, *ук. соч.*, стр. 29—30.

Устные переговоры и переписка с иноземцами происходили при участии переводчиков. Переводчики, или, как их тогда называли, „толмачи“ Посольского приказа, должны были разбирать и составлять разнообразные документы. Из Казанского дворца поступали поручения перевести письма с татарского языка или требования прислать соответствующего толмача. То отправляли из Посольского приказа грамоты в Персию, то к турецкому султану; заключали договоры с хивинскими, шемахинскими и иными ханами, встречали мурз, пытались взыскать материальные убытки ... Толмачам в середине XVII и в начале XVIII в. было не мало дела, трудного и ответственного. Они должны были обладать не только в известной мере знаниями восточных языков, но и владеть восточной, очень сложной и разнообразной каллиграфией. Архивные документы свидетельствуют о том, что Посольский приказ не всегда располагал нужным контингентом людей. Доказательством служит, например, указ от 3 августа 1700 г.: „... из Казанского в Посольский приказ о переводе присланных из Астрахани персидских писем Посольского же приказа переводчикам и при том сказка того же приказу переводчика Дмитрия с товарищами ко смотрению писем, сказал, что те письма фарсовского языка и перевести оных не могут.“ Ответ на приведенный указ 1700 г. показывает, что в это время знатоков персидского языка в Посольском приказе не было: имевшиеся там толмачи могли лишь установить язык писем.¹

Наряду с послами, направлявшимися в христианские и мусульманские страны, в связи с ростом Московского государства и его политикой на Востоке, знакомились с Кавказом воины и ученые. С запада двигались на Кавказ миссионеры, путешественники, художники. Каждый из наблюдателей реагировал на впечатления от виденного в пути, но только в исключительных случаях можно отметить у них фиксацию надписей. К числу редких исключений принадлежит французский путешественник Обри де-ла-Мотре (Aubry de la Motraye). В 1711 г. он посетил Бахчисарай,² от Керчи путешествовал по Северному Кавказу до Астрахани. На обратном пути в руинах обширного города, предположительно Маджар, он срисовал, а впоследствии издал изображение найденной там надписи,³ в которой некоторые лигатуры напоминают арабское монументальное письмо.

Веки будущих исследований XIX в. стали намечаться еще в XVIII в. Для вопросов истории культуры имеют большое значение материалы, собранные дипломатами и военными XVIII в., преимущественно по изучению Прикаспийских областей и особенно с петровского времени. Инициатива исследования восточных надписей в России принадлежит Петру I; ему мы более всего обязаны. В 1715—1718 гг. проехал из Астрахани в Исфахан и обратно А. П. Волинский с дипломатическими поручениями. Вскоре, с 1720 г., было положено начало собранию восточных монет, рукописей и редкостей в петровской Кунсткамере.⁴ Сам Петр I в 1722 г., когда его проницательные взоры были прикованы к Востоку, обратил внимание на надписи в Булгаре и приказал их списать казанскому

¹ О деятельности Посольского приказа и толмачах указанного периода см.: И. Ф. Токмаков. Сборник документов и рукописей, относящихся к Казанской губернии и хранящихся в Московском Главном архиве Министерства иностр. дел и его Библиотеке, I. Труды IV А. геол. съезда, т. II, отделение IX, стр. 233, 284, 285, 237, 290, 291.

² В. Гернгросс. Ханский дворец в Бахчисарае. Старые годы, апрель, 1912. стр. 6, примеч. 15.

³ М. А. Полиевктов, ук. соч., стр. 143—150. — Aubry de la Motraye. Voyage en Europe, Asie et Afrique, т. II. La Haye, 1727, гл. III, стр. 95—97, табл. IV, рис. 10.

⁴ В. Dorn. Das Asiatische Museum. СПб., 1846, стр. 3.

губернатору.¹ Русские войска вышли из Астрахани, заняли Дербенд и Баку. Во время этого похода князь Дм. К. Кантемир сочинил для походной канцелярии „турецкий“ наборный шрифт. Будучи в Дербенде, Кантемир срисовал некоторые надписи. Так, в одном и том же году началось в России собирание копий надписей, исполненных арабским шрифтом, в таких крупных и важных в историческом отношении центрах, как Булгар, Баку, Дербенд, и создан был впервые в России печатный арабский шрифт.²

Десять лет спустя, в 1732 г., развернулась деятельность выдающегося знатока арабской письменности Георга Кера. Он состоял переводчиком в Коллегии иностранных дел, а кроме того разбирал и описывал восточные монеты в собрании Кунсткамеры.³ Главный нумизматический труд Г. Кера не был опубликован и сохранился только в рукописи, но в 1724—1725 гг. опубликованы две монографии.⁴ Самым важным достижением Г. Кера в области арабской эпиграфики и палеографии была дешифровка и определение одной трудной разновидности арабского шрифта, так называемого кұфй. Доказательство Кера о происхождении куфического шрифта от арабского вывело из тупика неведения всех специалистов и подготовило почву для последующих работ в России и за границей. Г. Кер умер в С.-Петербурге в 1740 г., не дождавшись опубликования своей замечательной для того времени разгадки арабских писем на императорской мантии в Нюрнберге; печатание было осуществлено три года спустя.⁵

Из приобретений Кунсткамеры в правление Екатерины I особенно важна одна шкатулка; она поступила по завещанию вместе со всеми коллекциями, после смерти составителя их, из „кабинета редкостей“ графа Якова Виллимовича Брюса, потомка шотландских королей, начальника артиллерии и крупного деятеля при Петре I (1670—1735 гг.).⁶ При жизни Кера палеографическое и эпиграфическое значение этой шкатулки оставалось в тени и она приобрела широкою известность лишь в первой четверти XIX в.⁷

¹ Подробнее о Петре I в Булгаре см.: W. Barthold. *Bulghar. Enz. d. Isl.*, т. I, стр. 824. — И. Березин. Булгар на Волге. Казань, 1853, стр. 29.

² Вл. Пятницкий. К истории книгопечатания арабским шрифтом в Европейской России и на Кавказе. Публичная Библиотека СССР имени В. И. Ленина, сб. I, М., 1928; отд. отг., стр. 132—133. Первый печатный арабский алфавит появился в Западной Европе в 1486 г., в издании путешествия в Палестину, которое Бернхард фон Брейденбах совершил в 1433—1484 гг.; знаки арабского и других восточных алфавитов, так же как карты, ландшафт и костюмы зарисовал сопровождавший Брейденбаха художник Эрхард Рейвих (Erhard Reuwich) из Утрехта. См.: Bernhard von Breydenbach and his journey to the Holy Land 1433—4. A Bibliography. Compiled by Hugh Wm. Davies. London, 1911, стр. XXVI, табл. 39 верх, 40—41.

³ О ней см., между прочим, у А. Кубе. Кунсткамера. Нов. энцикл. слов. Брокгауза-Ефрона, т. XXIII, П., столб. 655—557.

⁴ G. Kerr. *Monarchiae Asiatico-Saracenicae status, qualis VIII et IX seculi fuit, ex nummis argenteis priscâ Arabum scripturâ kuficâ cusis et nuper prope Gedanum [Гдыня] effosis, illustratus.* Lipsiae, 1724. — *Monarchae Mongolo-Indici numisma è gazophylacio Gothano explicatum.* Lipsiae, 1725. (Цит. П. С. Савельев. Мухамеданская нумизматика в отношении к русской истории. СПб., 1847, т. I, гл. XIII, прим. 8).

⁵ См.: Erklärung der auf dem kaiserlichen Mantel zu Nürnberg alten arabischen Mohrischen Buchstaben. Joch. Pet. von Ludwigs gelehrten Anzeigen, Halle, 1743. Биографию Г. Кера см.: Г. Г. Гул в бин. Био-библиографический словарь., 1940 (рукопись в ИВ АН СССР), стр. 283—293.

⁶ П. П. Майков. Брюс. Русск. биограф. словарь, т. „Бет — Бяк“, СПб., 1908, стр. 416—419. — В. Дорн, ук. соч., стр. 6, 133.

⁷ О Х. Д. Френе см. стр. 278 и сл.

На год раньше, чем Г. Кер, в С.-Петербурге начал свою работу доктор медицины Иван Яковлевич Лерхе. Он занял должность военного врача с 1731 г. В составе астраханского корпуса русского войска, действовавшего против персов в 1733—1735 гг., а в 1745—1747 гг. при русском посольстве в Персии, И. Я. Лерхе дважды проехал через Кавказ. Описания его путешествий были изданы сперва на немецком языке, а в конце XVIII в. вышли в русском переводе в академическом издании.¹ Они содержат упоминания некоторых пунктов и памятников, интересных в археологическом отношении и важных для эпиграфических изысканий, как, например, Дербенд и др.

Физик и доктор медицины по прямой специальности, И. Я. Лерхе был первым из естествоиспытателей XVIII в., доставившим, благодаря своей разносторонности и наблюдательности, материал для вспомогательных исторических дисциплин, собранный на территории России. При этом И. Я. Лерхе использовал и опубликовал рукописные материалы других очевидцев за первую половину XVIII в.: майора русской службы в прикаспийских областях Изана Вольфа² и шотландского хирурга Шнезе, сопровождавшего в Персию в 1733—1736 гг. русского посла князя С. Д. Голицына.³

Прошло с лишком двадцать лет после возвращения И. Я. Лерхе из Персии и почти полвека после пребывания Петра I в Булгаре, когда настал следующий благоприятный момент для обследования эпиграфических памятников, но и на этот раз инициатива исходила не от специалистов в этой области. В 1768 г. начал первое длительное путешествие по Восточной Европе и Сибири широко и разносторонне образованный Петр Симон Паллас, член Академии Наук с 1767 г.⁴ В течение ряда лет, помимо прочих областей науки, более близких ему по основной специальности, он занимался этнографией и археологией. В описании путешествия П. С. Палласа упомянуты, между прочим, ворота „с Арапскими надписями“⁵ и встречается впервые такой с надгробиями в Каси-

¹ Auszug aus dem Tagebuch von einer Reise, welche Lerche von 1733 bis 1735 von Moscau nach Astrachan und in die auf der Westseite des Caspischen Sees gelegenen Länder gethan hat. — Nachricht von der zweiten Reise nach Persien, welche der Kaiserl. Russische Collegienrath Herr D. Johann Jacob Lerche von 1745—1747 gethan hat... (Fr. Büsching, III, стр. 1—44; X, стр. 365—476). Русский перевод: „Новые ежемесячные сочинения, издаваемые Академией Наук“. СПб., 1790 и 1791, ч. XLIII, стр. 1—5; XLIV, стр. 69—97; XLV, стр. 86—100. Автобиография Лерхе с примечаниями и дополнениями Бюшинга (Büsching): Joh. Jac. Lerche. Lebens- und Reisegeschichte von ihm selbst geschrieben und mit Anmerkungen und Zusätzen herausgegeben von D-r Ant. Friedrich Büsching. Halle, 1791.

Подробнее освещены материалы Лерхе у М. А. Полиевктова, ук. соч., стр. 141—142. Биографию И. Я. Лерхе см.: Нов. энц. слов. Брокгауз-Ефрон, т. XXIV, стр. 408. — Русск. биогр. словарь, т. „Лаб — Лаш“, 1914, стр. 316—317. — В. Г. Тизенгаузен. Материалы для библиографии мусульманской археологии... из бумаг... издали К. А. Инстрандер и Я. И. Смирнов, СПб., 1906 (Записки Восточного отделения и Русского археологического общества, т. XVI, стр. 0257), отд. отд., стр. 0188—0189; под словом „Лерх“ перечислены некоторые археологические объекты. Библиография Тизенгаузена цитируется ниже сокращенно: Тиз. Библ.

² М. А. Полиевктова, ук. соч., стр. 191—192.

³ Там же, стр. 173—174.

⁴ См. его биографию в Русск. биогр. словаре, т. „Пав — Петр“, СПб., 1902, стр. 153—159 (сост. Кешпен).

⁵ Об этом упоминает В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование о Касимовских царях и царевичах..., стр. 71. Возможно, что „портал или врата великого храма“ в Биларске, о которых знал Татищев, не были лишены надписей. Ср. С. М. Шпилевский. О залахах деятельности Казанского Общества ист., археол. и этногр. Казань, 1884, стр. 10.

мове.¹ В 1785 г. Паллас докладывал Конференции Академии Наук о 12 куваческих монетах, найденных в Смоленской губернии и определенных татарским муллоу.² П. С. Паллас посетил также Булгар.

Плодотворны для арабской эпиграфики были труды Лепехина и Георги — двух спутников П. С. Палласа во время его первого путешествия. Иван Иванович Лепехин, ординарный академик, сын солдата Семеновского полка, закончил путешествие по России, начатое одновременно с Палласом, в 1772 г. Он собирал сведения по этнографии, археологии и языку среди народов, у которых была распространена арабская письменность, как, например, у татар и калмыков, описывал здания и монеты. В его известных „Дневных Записках“ дан русский перевод надгробных надписей Булгара, которые были сняты по приказанию Петра I.³

Другой спутник Палласа, этнограф Иоганн Готтлиб Георги, также побывал в ряде местностей, где имелись надписи арабским шрифтом, между прочим в Касимове. В труде, охватывающем результаты путевых наблюдений 1773—1774 гг., Георги посвятил несколько страниц описанию астана, т. е. „портка“,⁴ некрополей и надгробий у деревни Томра в Уфимской губернии,⁵ датированных 744/1343—1344 и 1107/1695—1696 гг.

Следует упомянуть еще двух крупных исследователей Кавказа, путешествия которых относятся к тому же грандиозному циклу экспедиций, организованных Академией Наук: Гильденштедта (1768—1755 г.)⁶ и Гмелина „младшего“ (1769—1744 гг.).⁷ Особенно важны детальные описания прикаспийских городов и памятников, главным образом Баку, Дербенда, Шемахи, у Гмелина, который был захвачен в плен на обратном пути и умер в Каякенте. Издание капитального труда Гмелина снабжено иллюстрациями, между прочим, видами местностей по рисункам двух рисовальщиков, Ив. Борисова и Фед. Баура, которые его сопровождали.⁸

К началу восьмидесятых годов относятся два путешествия меньшего охвата, но дающие конкретный материал. Штедер, работавший по военным поручениям на северном и центральном Кавказе в 1781 г., упомянул в путевом дневнике о надгробных памятниках на южном берегу речки Назран в Ингушетии.⁹ Почти одновременно со Штедером появились

¹ W. Bartold. Kasimow. Enz. d. Isl., II, стр. 857. Термин „такйя“ означает „странноприимный дом“, „монастырь дервишей“.

² В. Догп, ук. соч., стр. 10, 123, 183—189.

³ И. И. Лепехин. Дневные записки, I, 1795, стр. 271—283. И. Березин, ук. соч., стр. 291. Биографию Лепехина см.: Русск. биограф. словарь, т. „Лаб — Лаш“, СПб., 1914, стр. 259—260.

⁴ J. B. Belot. Vocabulaire arabe-français. Beyrouth. 1899, стр. 323 („колонна, столп, цилиндр“) أَسَاطِينُ أَسْطَوَانَةٌ مِن . — Проф. В. Гиргас. Словарь к арабской хрестоматии

и Корану, Казань, 1881, стр. 19 („портки, колонна“).

⁵ Bemerkungen auf einer Reise im Russischen Reich, Kaiserl. Akad. der Wiss., St.-Peterburg, т. II, 1775, стр. 727—733.

⁶ Путевые записки Гильденштедта изданы в 1781—1791 гг. П. С. Палласом под заглавием: „Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebirge“ (I—II, St.-Peterburg, 1787—1791). Био-библиографические сведения о Гильденштедте см.: Полиевктов, ук. соч., стр. 122—126.

⁷ Там же, стр. 116—120.

⁸ S. G. Gmelin. Reise durch Russland zur Untersuchung der Natur-Reiche. St.-Peterburg. 1770—1784; особенно ч. IV, 1772—1774 г. См. М. А. Полиевктов, ук. соч., стр. 119—120.

⁹ М. А. Полиевктов, ук. соч., стр. 210—211.—А. Н. Генко. Из культуры: го прошлого ингушей. Зап. Колл. востоковедов, т. V, 1930, стр. 685, 690—693, 733 и сл. (ряд цитат из дневника Штедера, особенно стр. 692).

из Сарепты на Кавказе „Моравские братья“ — миссионеры Грабш и Груль (Grabsch, Gruhl, 1781). Путешествие их протекало в благоприятной обстановке и им удалось прожить шесть дней в селении Кубачи в Дагестане. Наблюдения Грабша и Груля над своеобразной культурой, памятниками и надписями аула Кубачи стали известны не от них непосредственно, а через обитателя Сарепты, Виганда.¹

В 1792 г. ахун, т. е. старший мулла в городе Касимове, Абдулла Баклеев, по распоряжению епископа города Рязани Симона Лагова, списал надгробные надписи в усыпальнице Касимовских ханов и на Старопосадском кладбище. Распоряжение было дано епископом „во исполнение монаршего повеления“. Рукопись предназначалась для отправки тогдашнему обер-прокурору Синода, А. И. Мусину-Пушкину; полуистлевший отпуск ее был обнаружен в 1859 г. в бумагах старого архива рязанской консистории.²

В этом сообщении интересует прежде всего вопрос, о каком повелении идет речь и когда оно последовало. Распоряжение могло исходить от Екатерины II, после присоединения Крыма в 1783 г., под впечатлением путешествия в Новороссию и пребывания в Бахчисарае в мае 1787 г.³

Однако в „Полном собрании законов Российской империи“ следов узаконений подобного содержания времени Екатерины II нет. Мало того, приходится по этому вопросу вернуться ко времени Петра I, к его известному указу: „В монастырях осмотреть и забрать древния жалованная грамоты и другия курьезныя письма оригинальныя, также книги историческия, рукописныя и печатныя, потребныя к известию“,⁴ и к двум аналогичным постановлениям его — об отобрании у частных лиц харатейных книг⁵ и о присылке из всех епархий и монастырей в Синод древних исторических рукописей.⁶

Повеление, в силу которого действовал Симон Лагов, восходит к указу Петра I и было выполнено через 70 лет по распоряжению из Рязани. Поразительно, что отклик на указ имел место только однажды: никаких аналогий до сих пор неизвестно. Факт этот объясняется особым положением Рязанской епархии в петровское время. На несколько лет ранее указа об изъятии грамот, писем и рукописей был уничтожен Патриарший Разряд, и Патриарший духовный приказ был передан в ведение Рязанского митрополита.⁸ За отсутствием иных данных приходится предположить, что только Симон Лагов по какой-то причине вспомнил давнее распоряжение, которое распространялось одинаково на все епархии.

Через год после того как Баклеев копировал надписи в Касимове, началось второе путешествие П. С. Палласа (1793—1794 гг.), который проехал от Астрахани через Северный Кавказ в Крым. На этом пути П. С. Паллас посетил развалины Маджар. В атласе гравюр работы лейпцигского художника Хр. Гейслера, приложенном к появившемуся в 1799—1801 гг. на немецком языке изданию „Замечания в пути в южные

¹ См.: М. А. Полиевктов, ук. соч., стр. 206—207, с упоминанием письма Виганда от 5 мая 1805 г. к графу Яну Потюцкому. О последнем см. ниже.

² См. сообщение действ. члена РАО архимандрита Макария на заседании Отделения восточной археологии 14 сентября 1859 г. Известия РАО, т. II, стр. 255—257.

³ Ср. В. Гернгросс. Ханский дворец в Бахчисарае. Отд. отт. из журнала „Старые годы“, за апрель 1912 г., стр. 13, 15, 17—18, 20 и др.

⁴ 1-е изд. 1830 г.

⁵ Полное собрание законов Российской империи, т. VI, 1720—1722, стр. 3693.

⁶ Там же, стр. 3784.

⁷ Там же, стр. 3908.

⁸ Там же, т. IV, 1706—1717.

наместничества русского государства в 1793 и 1794 гг.“ П. С. Палласа,¹ были помещены планы Маджар, вид и разрез одного из татарских мавзолеев.

Завершается XVIII век путешествием графа Яна Потоцкого (1798 г.); он посетил многие пункты Северного Кавказа и Закавказья, в которых побывали его предшественники. Культурный уровень Я. Потоцкого был выше, чем у некоторых из них; описание путешествия, уделяющее большое место археологии и истории, заслуживает полного внимания.²

Итак, за весь XVIII век несколько исследователей России и Кавказа производили попутно и несистематически регистрацию памятников арабоязычной письменности. Собираение текстов, без их графического воспроизведения, связанное с инициативой Петра I, продолжалось и при Екатерине II. По распоряжению Екатерины II в Бухаре было построено обширное медресе Иръназар; в нем было около 60 комнат. Традиция преподавания арабского письма не прерывалась и в XIX в.; в бухарских медресе в качестве важных предметов изучали арабское правописание и каллиграфию „ильм-и хатти ‘араби“.³

Графические воспроизведения в печатных изданиях арабских надписей в XVIII в. представляют большую редкость и исключение. Они принадлежат различным лицам: одно сделано в 1711 г. с надписи в развалинах Маджар Обри де-ля-Мотре; другие рисунки из Дербенда принадлежат Кантемиру. Что Дм. Кантемир был достаточно тонким знатоком арабской письменности и каллиграфии, видно из поручения подготовить литеры для манифеста Петра I от 15 июля 1722 г. и из самого оформления документа (рис. 1).⁴ Научные исследования в области шрифта, принадлежащие Кантемиру, неизвестны.

В России находились дальновидные люди, далеко не безразличные к развитию русской науки. Так, например, М. И. Веревкин, первый директор Казанской гимназии, основанной в 1758 г., докладывал в 1759 г.: „... здешний город есть главный целого царства татарского национального диалекта. Не повелено ли будет завести в гимназиях класс татарского языка. Со временем на оном отыскиваемы быть могут многие манускрипты: правдоподобно, что оные подадут некоторый может быть не малый свет в русской истории“.⁵ Другой деятель конца XVIII в. А. Я. Италинский, посланник в Неаполе с 1795 г., разбирал надпись мальтийского надгробия Маймұны.⁶ Но ни предложения М. И. Веревкина, ни эпизодический опыт в области эпиграфики А. Я. Италинского не привели к сколько-нибудь ощутимым результатам.

¹ *Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Stathalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794, I—II. St.-Petersburg. 1799—1801.* Подробнее библиографию см. Пол., 158.

² *Voyages dans les steps d'Astrachan et du Caucase. Paris, 1829 (изд. Клапрот).* Ср. Полиевктов, ук. соч., стр. 162—164, с оценкой этих сторон работы Я. Потоцкого: „Везде — упор на историю, археологию, этнографию, фольклор...“

³ Н. Ханяков. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843, стр. 86, прим. 14, 219.

⁴ О Дм. Кантемире см. выше, стр. 284. Рис. Дербенда см.: *Operele principalei Demetriu Cantemiru, publicate de Academia Romana, t. VII, Bucuresti, 1883.* Оригиналы рукописи находятся в Архиве ИВ АН СССР, в бумагах акад. Бейера.

⁵ С. М. Шпилевский. Указатель исторических достопримечательностей Казани: ..., Казань, 1873, стр. 38—39 (разрядка моя — В. К.).

⁶ См.: *Fundgruben des Orients, I, стр. 393—397.* — J. Fück. *Die arabischen Studien in Europa, Beiträge...*, Leipzig, 1944, стр. 246. — F. Fresnel. *Lettre à M. le Dr. G. Vassalo, Journal Asiatique, IV série, t. X, стр. 437—438, с рисунком.*

Глубоко аналитическая работа, которую вел Г. Кер, к сожалению, достойную оценку получила много времени спустя. Неудача Г. Кера в этом направлении понятна: в России не был еще подготовлен соответствующий круг читателей и совершенно отсутствовали востоковедные кадры.

Отличительной чертой научной деятельности в XVIII в. следует считать то, что не все труды быстро оформлялись в печатном виде. Положение стало заметно улучшаться в начале XIX в. В 1804 г. открылся университет в Казани. Со следующего 1805 г. в составе профессоров Казанского университета появилась замечательная личность — доктор медицины К. Фукс (1776—1846 гг.), прослуживший военным врачом в Петербурге с 1801 г. до назначения в Казань, по рекомендации Министра народного просвещения М. Н. Муравьева. За более чем тридцатилетнюю врачебную практику и исключительную гуманность он приобрел среди жителей огромную популярность и пользовался большим авторитетом в университете: был деканом врачебного отделения в 1820—1824 гг., затем ректором до 1827 г. Для нас важна не эта сторона кипучей деятельности, которую развивал в Казани Карл Федорович Фукс.¹ Богато одаренный, он интересовался стариной, историческими судьбами края. К. Ф. Фукс стал исследователем в области археологии, истории и этнографии Поволжья.² К. Ф. Фукс знал татарский и арабский языки и с большим вниманием составил первую и очень редкую коллекцию восточных монет. Для нумизматического круга интересов Фукса обстановка оказалась как нельзя более удачной. Материал давался легко, но самое главное — К. Ф. Фукс, обосновавшись в Казани, очень скоро, всего через два года, получил достойного ценителя и критика своих трудов.

С 1807 г. кафедру восточных языков в Казанском университете занял Христиан Данилович Френ. Первая нумизматическая работа Френа, появившаяся в Казани в 1808 г., была написана и напечатана на арабском языке.³ Лучший ориенталист на Западе, Сильвестр де-Саси, основатель французской арабистической школы, признал эту работу выдающейся. Пребывание в Казани дало Френу возможность широко развернуть свои изыскания. С 1811 г. до 1821 г. в Казани выходили „Казанские известия“ с целью „принести пользу и занять любопытство разных классов граждан всего восточного края России...“⁴ В № 32 „Казанских известий“ за 1811 г. Х. Френ напечатал объявление, что он

¹ Биографию К. Ф. Фукса см.: Русск. биогр. слов., т. „Фабер—Цявловский“, СПб., 1901, стр. 243—249.

² К. Ф. Фукс. Краткая история города Казани. Казанские Известия, 1817, №№ 67, 68 и сл. (на стр. 42—43 упомянута арабская надпись на камне, найденном в Казанском гостинном ряду).

³ Заглавие ее: كتاب صفة بعض الدراهم التي ضربوها بنو سامان وبنو بويه الديلمى ومعظمها غير معلوم لندى اهل العلم الى هذا اليوم

Биографию Х. Д. Френа см.: Русск. биогр. словарь, т. „Фабер—Цявловский“, 1901, стр. 226—229.— П. Савельев. О жизни и ученых трудах Френа. СПб., 1835, Приложения, 1, стр. 59, № 4.— И. Ю. Крачковский. Арабистика за 20 лет. Труды второй сессии Ассоциации арабистов 19—23 октября 1937 г. Гр. Инст. вост., в. XXVI, М.—Л., 1941, стр. 7—9, 24.— Он же. Очерки истории арабистики в России и СССР. Уч. Зап., в. 107.— Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры, т. III, кн. вторая, изд. МГУ, Москва, 1945, стр. 103, 104; ч. IV, стр. 106—108, 112, 118.

⁴ См.: Изв. Общ. археол., истории и этногр., т. II, Казань, 1379, Приложение 1, 1880, стр. 5.

покупает „рукописи на арабском языке, особенно исторического содержания, и стихи, древние восточные монеты“.¹ Чтение восточных рукописей на арабском, персидском и татарском языках и усиленные занятия нумизматикой превратили молодого профессора в прекрасного палеографа.² Среди частных собраний монет, которые прошли в Казани через руки Х. Д. Френа (коллекции Потó, Венга, Неелова и Фукса), собрание К. Фукса, несомненно, было самым важным. В 1815 г. был выпущен в свет „Атлас

Рис. 1. Манифест Петра I от 15 июля 1722 г. Заголовок.

восточных (преимущественно джучидских) монет из нумизматического собрания проф. Фукса“;³ собрание было приведено Х. Д. Френом в порядок и прямым откликом на эти труды можно считать две части трактата Френа „О древнейшей монете Волжских Булгар“.⁴

¹ П. Пономарев. Полный систематический указатель статей местно-областного содержания... в „Казанских известиях“ с 1811 по 1821 г. Казань, 1830. — Изв. Общ. археол., ист. и этногр., т. II, Казань, 1879. Приложение 1, 21.

² П. Савельев, ук. соч., стр. 16.

³ Резал А. Кальмон, Казань, 1815.

⁴ Казань, 1816 и 1817 гг., на латинском языке: De numorum Bulgharicorum forte antiquissimo libri duo... Accedit hujus aliorumque aliquot musei Fuchsiani qui date occasione illustrantur numorum tabula aenea. I Paneg. memor. annivers. inaug. Univ. litt. Casan, 1816; II. Ind. prael. in Univ. litt. Caesar., Casan, 1817.

Каков был масштаб работы в области нумизматики, проделанной Х. Д. Френом в течение десятилетнего пребывания в Казани, ясно говорят цифры: Х. Д. Френ открыл более четырехсот видов монет Золотой Орды, так называемых джучидских. Х. Д. Френ возвращался впоследствии к этой категории монет, но, по словам его биографа, П. Савельева, „с тех пор, в течение тридцати слишком лет, как ему самому, так и другим ориенталистам-нумизматам осталось на долю весьма мало открытий по этой части“.¹

Достижениями и новостями в области нумизматики Х. Д. Френ делился со своим учителем Тихсенем посредством переписки и обмена слепками из рыбьего клея с монет золотоордынских с Поволжья, из Крыма и других. Последняя посылка 40 слепков из коллекции К. Фукса датирована 20 сентября 1815 г.² Это был наилучший способ для широкого осведомления Запада о стремительном прогрессе восточной нумизматики в России.

Нумизматические труды выработали из Х. Д. Френа основательного историка Востока, знатока сложной титулатуры мусульманских правителей. Им установлено впервые самое существование некоторых династий, связанных в прошлом с историей России; этим одновременно облегчен был подход к эпиграфике на арабском языке, которой Х. Д. Френ начал заниматься еще в Казани, хотя на первых порах не на местном материале.³

Пребывание Френа в Казани подходило к концу, когда в 1816 г. ему пришлось посетить исторические развалины Булгара вместе с канцлером графом Румянцевым. В этом же году Х. Д. Френ издал работу „О судьбах города Биляра“, но большие его труды, захватывающие интереснейшие страницы истории России, относятся уже ко второму периоду его деятельности.

Одновременно с появлением К. Фукса в Казани и за два года до прибытия туда Х. Д. Френа направлялся с посольством графа Головкина в Китай Генрих Юлий Клапрот. Может быть, путь через Казань дал случай Г. Ю. Клапроту, ориенталисту-лингвисту, ознакомиться с Булгаром, надписями из которого он занимался значительно позже.⁴ В 1807 г., уже в звании адъюнкта Академии Наук, Г. Ю. Клапрот, по идее Потоцкого, был послан изучать языки народов Кавказа. Эта экспедиция 1807—1808 г. вызвала ряд работ Клапрота.⁵ Одна работа представляет собой описание путешествия по Кавказу и Грузии, другая — описание восточного Кавказа; третья — переиздание первого описания путешествия; четвертая — русский перевод отрывка путешествия, помещенный в „Московском телеграфе“ за 1825 г., под заглавием: „Исследование о развалинах маджарских на реке Куме“.⁶

¹ П. Савельев, ук. соч., стр. 20.

² A. Hartmann. Ol. Gerh. Tychsen, В. II, Abt. 1, стр. 117—118.

³ См. его сочинение о титулах и почетных прозвищах ханов Золотой Орды: *Nonnulla de titulum et cognominum honorificorum, quibus Chani Hordeae Aurae uti sunt, origine, natura atque usu*. Казань, 1814. (*Catal. praelect. in Univers. litter. Casan 1815*). — П. С. Савельев, ук. соч., стр. 19 и 60. № 9. *Epitaphium cuficum Melitense, anni p. Ch. n. MCLXXIV*. 1815. *Mémoires de l'Académie Imp. des Sciences de St.-Petersbourg*, 1818, т. VII; ср. П. Савельев, ук. соч., стр. 60, 16. *Onyx cuficus Sorano-Neapolitanus*, 1816, *Mémoires...*, 1819, т. VII.

⁴ И. Березин, ук. соч., стр. 29. — W. Barthold. *Bulghar*, стр. 824.

⁵ Библиография приведена в Русск. биогр. слов., т. „Ибак — Ключ“. 1897, стр. 729.

⁶ Библиографические указания собраны у В. Г. Тизенгаузена (ук. соч., отд. отт., стр. 0138).

Рис. 2. Портрет академика Х. Д. Френа (1776—1851 г.).

В 1817 г. Х. Д. Френ покинул Казань и, будучи в С.-Петербурге, познакомился с совершенно неразобраным собранием восточных монет в Кунсткамере. Академия Наук предложила Х. Д. Френу заняться нумизматической коллекцией; 24 сентября 1817 г. Х. Д. Френ был утвержден ординарным академиком.

Классификация и описание монет шли очень успешно: 20 000 экземпляров были охвачены им в одно лето. После приобретения крупной коллекции восточных рукописей в 1818 г., по инициативе Френа и при поддержке графа С. С. Уварова, при Кунсткамере был образован „Восточный кабинет“, с ноября 1818 г. переименованный в „Азиатский музей“.¹ Директорство Х. Д. Френа, как известно, продолжалось до 1842 г. Личность и деятельность Х. Д. Френа, крупнейшего востоковеда в России в XIX в., освещалась многократно² и здесь следует подчеркнуть лишь отдельные штрихи (рис. 2).

В работе Х. Д. Френа в первые годы в С.-Петербурге количественный перевес был на стороне нумизматики. При исключительном трудолюбии он успевал также описывать рукописи и исследовать предметы с восточными надписями. Через два года после образования Азиатского музея в Записках Академии Наук³ появились девять статей с исследованием редких памятников арабоязычной письменности, а среди них три посвящены предметам, возникшим или найденным в нашей стране. Ценность статей не исчерпывается всесторонним описанием, тонким анализом техники, шрифта и историческими выводами. Важно, что Х. Д. Френ поставил на очередь публикацию предметов редкого значения, причем некоторые из них почти сто лет оставались неизвестными в стенах Кунсткамеры. Наряду с двумя бронзовыми зеркалами из Билярска и Самары, была им издана только что приобретенная лампада с кувической надписью из Билярска⁴ и серебряная шкатулка для Корана, находившаяся в Кунсткамере еще с 1736 г.; арабские надписи, покрывающие последнюю, благодаря имени и генеалогии владельца — Касимовского хана Ураз Мухаммада,⁵ установленным Френом, сделали этот объект историческим источником;⁶ первостепенного значения.

Свои палеографические познания Х. Д. Френ всецело ставил в связь с нумизматикой. В зрелом возрасте он об этом высказался так: „Изучению арабской палеографии я посвятил лучшие годы своей жизни и не сожалею о том: потому что восточные монеты заслуживают, чтобы их

¹ См. Русск. биограф. слов., т. „Фабер — Цявловский“, 1901, стр. 207.

² Деятельность Френа в качестве директора Азиатского музея обстоятельно освещена его преемником Б. Дорном в книге „Das Asiatische Museum der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St.-Petersburg“ (St.-Ptb., 1846).—И. Ю. Крачковский. Очерки истории арабистики в России и СССР, ч. IV. Уч. зап. Моск. ордена Ленина Гос. ун-в. им. Ломоносова, вып. 107, т. III, кн. 2, стр. 106—108.

³ См.: В. Дорн, ук. соч., стр. 134, №№ 6 и 9; стр. 133, № 4.—П. Савельев, ук. соч., стр. 33—61.—В. В. Вельяминов-Зернов, ук. соч., ч. I (Труды ВОО т. X, 1864, стр. 111—112; т. IX, табл. III).—В. Г. Тизенгаузен, ук. соч.

⁴ В. Дорн, ук. соч., стр. 134, № 9.

⁵ Uras Muhammedis Chani Kasimovensis quae in Academiae Imp. Scient. Museo Asiatico asservatur, theca koranica interpretatione illustrata. Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersburg, т. VIII, 1822, стр. 497—522, табл. XIII.—De lampadica Bylarensi Musei Asiatici Acad. Imp. Scient., там же, стр. 523—530, табл. XIV.—De speculo aereo Bylarensi Samarovensi item de talismano Kasanensi, там же, стр. 557—568, табл. XV.—Ср.: W. Barthold. Kasimov. Enz. d. Isl., II, стр. 857.

⁶ Ср. В. Дорн, ук. соч., стр. 28 и 6, 133, 169 (№ 51).

разыскивали, подобно тому, как в прошедшие столетия разыскивали и изучали монеты Греков и Римлян¹.

Коллекции Азиатского Музея быстро обогащались, а директор Музея Х. Д. Френ также быстро оказался в фокусе всех востоковедных работ в России и Западной Европе. Взятые им линии научных изысканий стали ведущими для многих исследователей XIX в. в России. Так, например, к теме бронзовых зеркал с арабскими надписями обращались П. С. Савельев, А. Ф. Лихачев, Катанов и другие. В Азиатский музей, благодаря Х. Д. Френу, стекались подлинные экземпляры, слепки с оригиналов, найденных в наших пределах, например у Саратова,² и с образцов в музеях Запада, например из музея в Гете.³

В те же годы полезную услугу арабской эпиграфике оказал ученый энциклопедист, но не ориенталист, Петр Иванович Кёппен (1793—1864), впоследствии академик, родившийся в Харькове, умерший в Крыму. В его „Списке русским памятникам, служащим к составлению истории художеств и отечественной палеографии“⁴ (1822 г.) курильница с арабскими надписями из ризницы в Псково-Печорском монастыре напонила ориенталистам петровский завет обследовать древние церковные хранилища Руси.

Изучение реликвий, в том числе и церковных, велось в Западной Европе еще в XVIII. Одной из благодарных тем для арабистов оказалось сюжет, к которому после издания в 1743 г. работы Г. Я. Керера неоднократно в восьмидесятых и девяностых годах обращались Христиан де-Мурр, учитель Френа — Тихсен и многие другие западноевропейские ученые. Свою лепту в исследование надписи на мантии норманнского короля Сицилии Рожера II внес и Х. Д. Френ.

Расшифровка этой надписи составляет начальные шаги истории изучения арабского шрифта вообще, кұфӣ — в частности. Относительно происхождения шрифта кұфӣ на Западе и на Востоке еще в XVI в. царили легенды. Изображения арабских кұфических надписей появились в печатных изданиях с середины XVI в., но обычно оставались непонятными. Первые слабые попытки чтения надгробных надписей почерком кұфӣ восходят к началу XVII в. и принадлежат голландскому арабисту Адриану Реланду (Reland).⁵

Примерно со второй четверти XVII в. возникло предположение, что обрамление подола хранившейся в Нюрнберге роскошной мантии состоит не только из шитых золотом украшений, но может быть в нем имеются какие-то буквы. На образце отрывка надписи обрамления Г. Керер открыл ясно видимые арабские письмена; прочесть всю надпись он не мог по той простой причине, что полное воспроизведение ее, резанное на дереве в натуральную величину, было издано лишь в 1778 г. по рисунку

¹ Ch. M. Fraehn. Das Muhammedanische Münzkabinet des Asiatischen Museums der kaiserl. Akademie der Wissenschaften zu St.-Petersburg. Vorläufiger Bericht, St.-Ptbg., 1821, стр. 80.—П. С. Савельев, ук. соч., I, гл. XIV, стр. 10.

² В. Догн, ук. соч., стр. 134, № 7.

³ Там же, № 8.

⁴ Изд.: Москва, 1822, стр. 116—117, № 172. Изображение курильницы см.: Восточное Серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. Составил Я. И. Смирнов. Изд. имп. археол. комиссии ко дню пятидесятилетия ее деятельности. СПб., 2 февраля, 1909, табл. СХХІХ, рис. 324.—Тяч. Библ., 0334. Биография Кёппена см.: Русск. биогр. словарь, т. „Ибак—Ключ“, СПб., 1897, стр. 616—519.

⁵ De numis Veterum Hebraeorum, Traj. ad Rhen. 1703; здесь включена „Dissertatio Marmoribus Arabicis Puteolanis“ (о пяти надгробиях из ПUTEОЛИ). Ср. А. Hartmann, ук. соч., стр. 123.

Х. де-Мурра.¹ Эта публикация позволила Тихсену отклонить большую часть ошибочных чтений и дать почти правильную арабскую транскрипцию. В 1808 г. во время войны с Наполеоном мантия была перевезена из Нюрнберга в Вену. Две копии надписи на бумаге, изготовленные Х. де-Мурром лично и поднесенные 18 октября 1783 г. шведскому королю Густаву III, хранятся в Университетской библиотеке в Упсале. На первой копии имеется дата изготовления рисунка — 13 мая 1774 г. и имя нюрнбергского резчика по дереву Себастиана Роланда (1777 г.).² О работе Г. Кера, посвященной надписи на мантии, на Западе стало известно в 1731 г., но рукопись оставалась недоступной до опубликования ее в Халле в 1743 г.

Насколько трудна была задача Г. Кера и ближайших к нему поколений ученых, характеризует отрывок из письма наиболее выдающегося ориенталиста на Западе в XVIII в. — И. Я. Рейске (J. J. Reiske, род. 1716, ум. 1774 г.). В 1755 г. этот первый в Европе арабист, обративший внимание на арабскую нумизматику³ и оценивший ее значение для истории,⁴ писал: „Куфический шрифт... в настоящее время совершенно вышел из употребления, так что сами арабы не могут его читать. Нужно переждать в руках много монет и старых письмен, если хочется их разобрать“.⁵ Так же показательно свидетельство датского арабиста Карстен Нибура (Carsten Niebuhr): „ни один ученый араб Йемена не мог в 1762—1763 г. прочесть куфические письмена на надгробиях, найденных им там“.⁶

Многие европейские ориенталисты первой половины XVIII в. сами испытывали большие затруднения при дешифровке арабских письмен. Арабист и синолог Этьенн Фурмон (Étienne Fourmont, 1688—1745 гг.), профессор в Париже между 1715 и 1745 гг., изложил своему коррес-

¹ Ol. Geih. Tychsen. Erklärung der arabischen Schrift auf dem (in Nürnberg aufbewahrten) Römisch-kaiserlichen Krönungsmantel. Meklenburg-Schwerinsche Gelehrte Beiträge zu den Meklenburg-Schwerinschen Nachrichten, 1780, №№ 42—44. — Он же. Unparteyische Nachrichten und Urtheile, 1780, 1, 8 Stück, стр. 321—38. Ср. А. Hartmann, ук. соч., II, 2, стр. 123—137. — Куфische Saumschrift des kaiserl. Mantels zu Nürnberg. Murr's Beiträge, Erlangen, 1803, стр. 39—42. — C. Th. von Murr. Beschreibung der vornehmsten Merkwürdigkeiten in des H. R. freyen Stadt Nürnberg und auf der hohen Schule zu Altdorf. Nürnberg 1773, табл. 1—4; вторично издано в Nürnberg, 1801, без табл. — *Inscriptio Arabica litteris Cuficis auro textili picta in infima fimbria palii imperialis, Panormi, a. C. 1133 confecti, inter S. K. Imp. Germ. Klinodia Norimbergae adservati. Delineata et explicata a Christophoro Theophilo de Murr. Norimbergae, 1790, табл. 1—3.*

² Копии описаны у K. V. Zettersteen. Die Arabischen, persischen und türkischen Handschriften der Universitätsbibliothek zu Uppsala verzeichnet und beschrieben von... II. Le Monde Oriental, Uppsala, 1935, vol. XXIX. VII, стр. 18—19; здесь применены еще: C. T. von Murr. Erläuterung der arabischen Umschrift, welche in goldenen karmatischen Schriftzügen auf dem unteren Saum des kaiserlichen Mantels gesicket ist, der in Nürnberg unter den Reichsinsignien aufbewahrt wird; nebst Herrn Hofrats Tychsen neuer Dechiffirung derselben. Journal der Kunstgeschichte, т. X, стр. 318—374. — Das Pluviale, oder der kaiserliche Chormantel, там же, т. XV, стр. 236—238, с транскрипцией латинской и насхй, исполненной Казире (Casiri), с латинским и немецким переводом.

³ Johann Jacob Reiske. Briefe. (G. Murr's Journal zur Kunstgeschichte u. Allgemein. Literatur, 1781, X, стр. 264—271. „Briefe über das arabische Münzwesen“) in Repertorium für Biblische u. Morgenländische Literatur, 1731, т. IX, стр. 199—268; т. X., с.р. 165—240. т. XI, стр. 1—4; ср. L. A. Mayer. Bibliography of moslem Numismatics India excepted (Oriental Translation Fund. Vol. XXXV). The Royal Asiatic Society. London, 1939, стр. 76—77. — Для биографии Рейске см.: Акад. И. Ю. Крачковский. Над арабскими рукописями. 2-е изд., М.—Л., 1945, VII, I: „Тени предков“, стр. 140—144. с портретом.

⁴ Ср. П. Савельев, ук. соч., XIII.

⁵ Цитировано в переводе В. Крачковской.

⁶ A. Hartmann, ук. соч., т. II, часть 2, стр. 123, 127, 148.

понденту взгляд на происхождение кўфӣ и дал его ошибочную оценку. Рассматривая в Королевской библиотеке в Копенгагене фрагменты куфических Коранов, которые были приобретены Фредериди а Боквольдер (Frederici a Bockwolder) 18 марта 1626 г. в Каире, он определил их шрифт следующими словами: „...visiblement de l' Arabe, mais un Arabe Koufique ou de Coufa en Mésopotamie... en une certaine vogue pendant les 2 ou 3 premiers siècles du Musulmanisme, mais dans la suite cette écriture presqu'en tout Syriaque et en cela fort défectueuse parcequ'elle ne représente que fort imparfaitement les caractères arabes, et qu'il est comme impossible qu'elle les fasse distinguer, a été pour cela même abandonnée...¹ „... видимо арабский, но арабский куфический или из Куфы в Месопотамии..., в некоторой моде во время 2 или 3 первых веков мусульманства, но впоследствии этот почерк почти во всем сирийский и притом сильно испорченный, потому что он изображает весьма несовершенно арабские буквы, так что как будто невозможно, чтобы он давал возможность их [буквы] различить, и по этому самому [этот почерк] был оставлен...“.

Выдержки из письма Фурмона старшего (Furmonti maioris) критически цитировал И. Гр. Хр. Адлер (J. Gr. Chr. Adler) при издании фрагментов куфических Коранов.² К статье Адлера приложена сравнительная таблица древне-сирийского и куфического шрифта и факсимиле листка куфического Корана в красках, с пунктуацией и огласовкой.

Необходимое условие для овладения почерком кўфӣ, о котором говорил Рейске, было соблюдено в значительной мере ростокским профессором Тихсенем; благодаря усиленным занятиям нумизматикой его успех был обеспечен. Тихсену первому удалось установить историческое значение надписи и принадлежность мантии сицилийскому королю; однако в датировке надписи им была допущена неточность.

В связи с изданиями текста мантии в Западной Европе возникла обширная переписка и оживленный обмен мнений. Ученые Италии и Испании, двух государств Запада, наиболее тесно и непосредственно связанных с культурой арабского мира и насыщенных памятниками, не могли оставаться равнодушными к прогрессу в области арабской эпиграфики. Испанизированный сириец-маронит Мигуэль Казирри (Casiri), в 1754 г. в зрелом возрасте переведший на латинский язык одну погребальную надпись в Севилье, восьмидесятилетним старцем предложил вариант чтения надписи мантии³. К середине XVIII в. в Италии образовались собрания арабских надписей. Известна коллекция музея в Вероне с надгробиями из Палермо и с острова Мальта, которые были изданы в 1749 г. и переизданы в 1788 г.⁴ Выдающееся собрание в Риме принад-

¹ Descriptio Codicum Quorundam Cuficarum partes Corani exhibentium in Bibliotheca Regia Hafniensis et ex iisdem de Scriptura Cufica Arabum observationes novae. Altonae, 1780, стр. 22—23.

² О покупке Коранов в 1626 г. для датского короля упомянул J. J. Marcel, Paléographie Arabe. Paris, 1828, стр. 8 (об этой работе подробнее см. ниже). Описание копенгагенских фрагментов см: Codices Orientales Bibliothecae Regiae Hafniensis jussu et auspiciis regii enumerati et descripti. Pars Altera. Codices Hebraicos et Arabicos continens. Hafniae, 1851, стр. 40—43, №№ XXXVI—XLI.

³ A. Hartmann, ук. соч., стр. 125, 135—136. — К. А. Zetterstéen, ук. соч., стр. 18, прим. 4 (дата смерти Казирри 1791).

⁴ Scipion Maffei Museum Veronense. Veronae, 1749, три арабских погребальных надписи, стр. 187; объяснения к ним Joseph Simon Assemani, там же, стр. 488. — Переиздание: S. Assemani. Museo Cuffico Naniano, Parte II. Padova, 1788, стр. 187, с исправлениями. Ср. A. Hartmann, ук. соч., стр. 124—125.

лежало меценату и историку Стефану Борджиа; оно описано впервые Адлером.¹

Контингент исследователей Испании и Италии вместе с островом Сицилией состоял в значительной мере из католического духовенства высшего ранга — ученых и профессоров. Изучение арабского языка принадлежало к кругу богословских дисциплин, а кроме того, по своему положению эти лица больше соприкасались с церковными ризницами, где хранилось немало восточных древностей. Такковы, например, Ангелини, хранитель библиотеки в Палермо, Марини, профессор Падуанского университета, Симеоне Ассемани (Simeone Assemani, 1752—1821). С именем последнего ученого итальянца связана на шумевшая среди западных ориенталистов полемика из-за куфической надписи на спинке мраморного кресла собора Петра в Венеции (рис. 3—4). Тихсен разоблачил совершенно явную недобросовестность перевода, посредством которой поддерживалась угодная католическому клиру легенда, и кресло выдавалось за реликвию. Среди ученых некоторые, несмотря на принадлежность к католическому вероисповеданию, как-то датчанин К. Нибур, испанец Аргета, и многие другие поддерживали Тихсена.² Особенно богатую жатву эпиграфистам романских стран по части лапидарных текстов, надписей на тканях и украшениях дали некрополи Палермо и погребения Генриха VI и Фридриха II; эти памятники освещены в работах Торремужца,³ Вассали⁴ и Грегорио⁵ восьмидесятых и девяностых годов XVIII в.

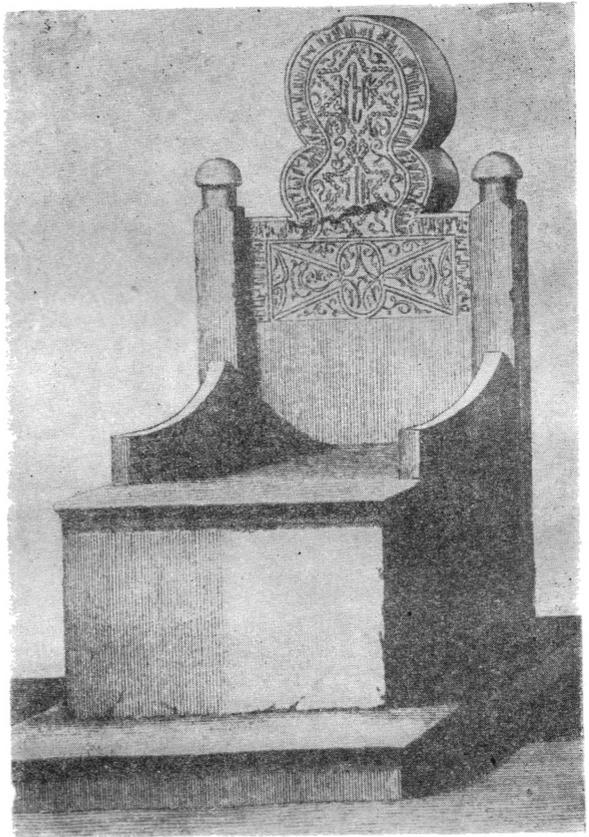

Рис. 3. Мраморное кресло собора Петра в Венеции.

¹ Jacob Georg Chr. Adler. *Museum cuficum Borgianum Velettris. Pars prima.* Romae, 1782; *Pars secunda,* Altonae, 1795, тт. I—II.

² A. Hartmann, ук. соч., стр. 155, прим. 63; 158; 166. — Изображение надписи было воспроизведено: *Flaminii Cornelii Ecclesiae Venetae antiquae monumenta Decades XVI. Venetiis,* 1749, 8 voll., vol. 2, стр. 194.

³ *Torremuzza. Siciliae et objacent insularum veterum inscriptionum nova collectio.* ..., Panormi, 1784.

⁴ M. A. Vassalli. *Tria monumenta lapidea Sepulcralia Kufico-Arabico-Sicula.* Romae, 1793,

⁵ R. Gregorio. *Rerum arabicarum quae ad historiam Spectant ampla collectio.* Panormi, 1790, стр. 136—191; *Monumenta Cufico — Sicula.*

К надписям, извлеченным из местных памятников Западной Европы, в третьей и особенно последней четверти XVIII в. добавились зарубежные материалы от путешественников по Марокко, Египту, Южной Аравии и Индии, а параллельно росла специальная литература. Быть может

Рис. 4. Спинка мраморного кресла собора Петра в Венеции.

наибольшую роль в развитии арабистики на Западе в этот период сыграла французская экспедиция в Египет. В числе сотрудников института, основанного Бонапартом в Каире в 1798 г., находился талантливый искусствовед и палеограф Жан Жозеф Марсель (Jean Joseph Marcel, Paris, 1776—1854 гг.). Интересны не только его исследования арабского шрифта,¹ но и подлинные образцы арабской каллиграфии, в том числе написанные почерком кўфй, которые он вывез из Египта. Следует признать, что возможность черпать из нетронутого почти никем источника Ж. Ж. Марсель ценил правильно и постарался использовать.

Для своего времени „Арабская палеография“ Марселя представляла огромный шаг вперед хотя бы по масштабу работы, если сравнить составленные им многочисленные алфавитные таблицы с алфавитом Брейденбаха и с небольшо́й таблицей Адлера 1780 г. по копенгагенским фрагментам куфических Коранов. Ж. Ж. Марсель, подобно Фурмону, Адлеру и некоторым другим, неправильно представлял себе историю семитических алфавитов и вел происхождение почерка кўфй от сирийского алфавита. Марсель во многом ошибался, но уловил кое-что новое правильно. Так, например, он отметил в Египте особый арабский почерк, разновидность кўфй, и описал ее, не устанавливая датировки и терминологии. Несомненно, что это описание и сопровождающая его

¹ J. J. Marcel. Paléographie Arabe ou Recueil des Mémoires sur différents monuments lapidaires, numismatiques, glyptiques et manuscrits, présentant des inscriptions koufiques et karmatiques. Paris, 1823. — Он же. Mémoires sur les inscriptions koufiques recueillies en Égypte et sur les autres caractères employés dans les monuments des Arabes. (Description de l'Égypte, t. XV, стр. 459 и с., Atlas I, état moderne).

иллюстрация относятся к образцам шрифта, ныне именуемого „квадратный кўфй.“¹

По теории, распространенной в XVIII в., арабский шрифт имел два асинхронных почерка: кўф̄, обычно представленный на памятниках четырех первых веков мусульманской эры, т. е. с VII по X в., и насх̄ на памятниках последующих веков и новейшего времени; между первым и вторым почерком, как предполагали некоторые, существовала особая разновидность — „карматский“ шрифт в качестве искусственной формы.² Многие западные ученые упорно держались этой классификации в начале XIX в. В „Арабской палеографии“ Ж. Ж. Марселя специальный параграф IV был посвящен определению „карматского“ шрифта как варианта или улучшенного образца синхронно с ним кўф̄, и происхождению самого термина. В последнем случае Ж. Ж. Марсель был в заблуждении, но зато весьма ценен намеченный им по подлинникам ареал распространения „карматского“ шрифта в Южной Европе с островами Средиземного моря.³ Итальянский эпиграфист и палеограф Микеле Ланчи (Michele Angelo Lanci) предполагал, что шрифт арабов-мусульман, куфический, разделился с IV в. хиджры на две ветви: 1) „карматскую“ с подразделением на „украшенную“ и 2) шрифт известного арабского каллиграфа Ибн Муқла;⁴ имя его: ал-вазир Абū ‘Али Мухаммад ибн ‘Али ибн ал-Хасан ибн Муқла, 272—328/886—939 гг.

Против этих теорий восстал Х. Д. Френ в специальной статье „О характере арабского почерка, называемого «карматским», напечатанной во французском востоковедном журнале в 1828 г. Он доказывал в ней всю несостоятельность термина „карматский“ шрифт, который он определял как „разновидность древнего арабского почерка или куфического, а именно того, который по своим украшениям и запутанным чертам противопологается сущности куфического шрифта, отличающегося своей вытянутостью и простотой“.⁵ Термин возник в литературе в XVII в. вследствие неточного истолкования слов арабских лексикографов Джаухарй и Фйрӯзабадй, допущенного Голиусом в его арабо-латинском словаре в 1653 г. После Голиуса д’Эрбело (d’Herbelot), Г. Кер и позднейшие авторы повторяли комментарий и объяснение к нему без проверки, усугубляли новыми ошибками. Было замечено противоречие между определением шрифта в первоисточнике (у Голиуса „тонкий, сжатый почерк“—по Джаухарй *قروطة قروطة*, по Фйрӯзабадй *قروطيط*) и теми сложными образцами, к которым оно прилагалось, но никто не усомнился в точности перевода. Поэтому Френ, подчеркивая всю неправильность положения об изобретении данной разновидности арабского шрифта

¹ См. J. J. Marcel. Paléographie Arabe, стр.—10. Он же. Notice sur quelques inscriptions koufiques, d’un genre singulier (carré). Journal Asiatique, 3 série, II, 1833, II, стр. 226—232, avec 2 figs. Ср.: V. Kratchkovskaia. Notices sur les inscriptions de la mosquée Djoum’a à Véramine. Revue des Études Islamiques, 1931, Cahier I, стр. 41 и сл.; высказанное автором на стр. 42 предположение о наличии надписи квадратным кўфй на башне Мас’уда III в Газне теперь подтверждается: на левом панно второго яруса квадратных полей читается по диагонали: Мас’уд = *مسعود*; ср. изображение: A Survey of Persian Art, v. IV, London—New York, 1938, табл. 356.

² См., например, A. Hartmann, ук. соч., стр. 120, 130, прим. 59; 158—159, 183.

³ Hartmann, ук. соч., II.

⁴ См. Lettera del’ Abate Michele Angelo Lanci sul cufico sepolcrale monumento portato d’ Egitto in Roma, 1819, особенно стр. 41 сл., 47—48, 51, 56: категории „Carmatiche“, „Tamureo“, „Moclesi“. Биографические данные см.: K. V. Zetterstéen. Ibn Mukla. *Enz. d. Isl.*, II, 1927, стр. 430—431.

⁵ Ук. соч., 379 (цитировано в переводе В. Крачковской).

сектой карматов, настаивал на необходимости исключить из работ европейских ученых само название „карматский шрифт“, и все, что выдуманно по этому поводу.¹

Несколько актуальны были затронутые Х. Д. Френом вопросы терминологии и хронологической последовательности для разновидностей арабского шрифта, показывает безоговорочное пользование традиционной классификацией у Ж. Ж. Марселя в „Арабской палеографии“ 1828 г.

Благодаря тесному контакту Франции с Египтом, открытые в 1824 г. около пирамид Саккара арабские папирусы были посланы в Париж для прочтения Сильвестру де-Саси, который положил начало арабской папирологии.²

Френу не пришлось приложить свои громадные знания к текстам папирусов за отсутствием в то время в России оригиналов или хороших копий с них. Но через руки Френа вскоре прошли два пергаментных листка куфического Корана VIII в. из Египта, подаренные Азиатскому музею в 1826 г.³ итальянским ориенталистом и нумизматом Франческо ди Кастильоне (Castiglione, 1784—1849 г.).

Пополнения Азиатского музея состояли главным образом из монет и рукописей, но изредка встречались и копии надписей. В 1826 г. ученый естествовед, бывший профессор Казанского, а в ту пору профессор Виленского университета, д-р Эйхвальд (Eichwald) прислал в Академию Наук несколько изображений и собственноручных рисунков надписей, снятых во время путешествия по Кавказу и Закавказью. Конечно, Х. Д. Френ не преминул ими заняться, и в 1828 г. в номерах „Санкт-Петербургер Цейтунг“ (№№ 20—23) появилась его статья под заглавием „Ди Иншрифтен фон Дербенд“.⁴ В статье имеется сводка всех упоминаемых дербендских надписей, начиная с арабского автора X в. Мухаллаби, Контарини XV в. и Олеария, который был в Дербенде 7—13 апреля 1638 г.⁵

К счастью, современник Френа — Эйхвальд — зафиксировал некоторые надписи на эстампажах факсимиле типографской краской, но, к сожалению, на исходе первой четверти XIX в. обширный некрополь у Дербенда уже сильно пострадал. Олеарий насчитывал тут до 1000 надгробий с надписями; эпитафии, преимущественно рельефные, теперь почти стерлись и выветрились, многие плиты были использованы на постройки. Вполне справедливо Х. Д. Френ упрекнул всех предшественников Эйхвальда, не исключая Гмелина, за то, что ни один из них не подумал сделать копии и оттиски, когда надписи у Дербенда были читаемы.⁶ Что касается рисунков Дм. Кантемира, то, проанализировав их, Френ легко установил ряд ошибок и промахов. За столетие со времени пребывания Петра I с Брюсом и Кантемиром в Дербенде произошло столько разрушений,

¹ C. Chr. Fraehn. Du caractère d'écriture arabe nommée carmatique; Dissertation où l'on prouve qu'il n'a jamais existé un caractère ainsi nommé. Journal Asiatique, 1828, t. I, стр. 379—391.

² Первая статья „Mémoires sur quelques papyrus écrits en arabe et récemment découverts en Égypte“. Journal des Savants, août, 1825, стр. 452—473. Ср. A. Grohmann. Aperçus de Papyrologie Arabe. Etudes de Papyrologie, t. I, Le Caire, 1932, стр. 24.

³ См. В. Дорн, ук. соч., Beil. 43, стр. 196—197.

⁴ Перепечатку см.: В. Дорн, ук. соч., стр. 297—322. Русский перевод см.: Тр. и лет. Общ. ист. и древн. Российских, ч. VII, 1837, стр. 101—127. Ср. П. Савельев, ук. соч., стр. 33—65, № 60.

⁵ М. А. Полиевктов, ук. соч., стр. 153. — В. Дорн, ук. соч., стр. 297—298.

⁶ В. Дорн, ук. соч., стр. 301—302.

что все упущенное Френ считал погибшим безвозвратно. Поэтому особенно ценны общие выводы Френа, определение характера шрифта арабских надписей Дербенда и возможная для них датировка.

По всем палеографическим данным, Х. Д. Френ назвал шрифт дербендского некрополя „geschwungenes, geschnörkeltes Kufi“, т. е. „размашистый кұфй с завитушками“, поднятыми вверх окончаниями и дополнительными украшениями, который появился с IV в. и резко отличается от простого, угловатого куфического почерка; лишь одно дербендское надгробие с врезанной надписью „чистым кұфй, без украшений“ Х. Д. Френ полагал возможным отнести к III—IV/IX—X вв. Попутно впервые в нашей отечественной печати повторяется разъяснение Х. Д. Френа относительно неправильности термина „карматский“ шрифт.¹

Взгляды Х. Д. Френа на эволюцию арабского шрифта отличались от представлений у его западных современников большей глубиной и ясностью. Он полагал, что „размашистый кұфй“, появившись однажды с IV в. хиджры, сохранялся позже, с более или менее различным оттенком, в течение столетий.²

Среди материалов, присланных Эйхвальдом, находился рисунок, скопированный им от руки по оборотной стороне „Железной двери“ в Гелатском монастыре около Кутаиса. К статье о дербендских надписях Х. Д. Френ присоединил немецкий перевод с комментарием этого „древнейшего и замечательнейшего текста не орнаментированным кұфй“, так как по местной традиции считалось, что эта дверь была увезена Давидом Восстановителем из Дербенда. Несовершенство рисунка с поврежденными местами оригинала заставило Френа прибегнуть к поправкам и коньектурам, в надежде, что они подтвердятся в значительной мере, когда появятся точные оттиски с лицевой стороны надписи. В этой первичной обработке текста остались и пропуски. Автор призывал проезжающих через Дербенд просвещенных путешественников и представителей русского гарнизона снимать факсимиле надписей по способу французского художника Миллина.³

Через восемь лет Х. Д. Френ располагал двумя копиями лучшего качества. Одна была доставлена майором И. Д. Бартеневым⁴ вместе с письменным изложением результатов осмотра двери в 1832 г. В особой статье⁵ он дал новое пространное исследование и арабскую транскрипцию, более правильную, чем первая редакция: два слова не были им поняты, но зато он установил историческое значение текста и личность заказчика — амира из рода Шеддāдй, правителей Аррāна.⁶

Теперь на работу Френа откликнулась русская печать.⁷ От клубка из рук Х. Д. Френа нить потянулась и на Запад: первым отозвался во

¹ Там же, стр. 309, 312—313.

² Там же, стр. 310.

³ В. Dorn, ук. соч., стр. 320.

⁴ Письмо И. Д. Бартевева от (26) 14 сентября 1833 г. Ср. М. Brosset, *Bibliogr. Analyt.*, N^o No 51 и 118.

⁵ „Erklärung der arabischen Inschrift des eisernen Thorflügels zu Gelati in Imerezh“. *Mémoires de l'Académie Imp. des Sciences de St.-Petersburg*, VI série, 1835, т. III.

⁶ Ср. В. Dorn, ук. соч., стр. 318.

⁷ См. Ж. М. Н. П., 1836, ч. XI, № 1, стр. 121—123. — Библиотека для Чтения, XV, 1836, март, „Смесь“, стр. 1—5.

Франции,¹ еще до избрания в Академию Наук и прибытия в Россию,² грузиновед М. Броссе, который впоследствии неоднократно возвращался к этой теме.³ Сомнения Френа относительно происхождения ворот из Дербенда оказались справедливыми, окутывавшая их легенда была развееяна; в свете арабских источников, армянских и грузинской надписи было окончательно установлено, что ворота были вывезены из Ганджи⁴ грузинским царем Димитрием I после землетрясения 1139 г.

В тридцатых и сороковых годах XIX в. одним из деятелей, способствовавших развитию археологии, истории и эпиграфики в Крыму и на Кавказе, был князь Михаил Семенович Воронцов, командовавший оккупационным корпусом во Франции. С 1823 г. он был назначен генерал-губернатором Новороссии и зарекомендовал себя культурной работой в Одессе и Крыму.⁵ В 1836 г. Н. Мурзакевич докладывал ему, что желательно дать точные переводы всех восточных надписей Бахчисарая. М. С. Воронцов поручил своему переводчику восточных языков А. А. Борзенко⁶ составить списки и перевод надписей династии Гирай в Бахчисарае. А. А. Борзенко скопировал 29 надписей в Ханском дворце, во дворцовой мечети и на Ханском кладбище; 24 надписи перевел на русский язык и представил 4 октября 1839 г. свою работу в недавно основанное Одесское Общество истории и древностей.⁷ В 1840 г. он доставил еще копии со 101 надписи.

Рукопись А. А. Борзенко в 1841 г. была отправлена на отзыв Х. Д. Френу. В ответном письме от 20 июня 1842 г. на французском языке, вместе с положительной оценкой работы, Х. Д. Френ выразил пожелание, чтобы А. А. Борзенко издал точные копии нескольких надписей, представляющих интерес со стороны палеографии. Гораздо строже отнесся к работе Борзенко тогдашний профессор Ришельевского лицея в Одессе (с 1838—1844 г.) Василий Васильевич Григорьев.⁸ К рукописи А. А. Борзенко, который с 1843 г. служил уже на Кавказе, добавились в 1847 г. переводы 40 надписей из Бахчисарая и его окрестностей от Ф. М. Домбровского, переводчика восточных языков при Таврическом гражданском губернаторе. Небезупречная транскрипция и переводы потре-

¹ M. Brosset. Traduction de l'inscription qui se trouve sur un battant de porte. *Journal Asiatique*, 3 série, II, 1836, II, стр. 177—180. — *Jahrb. f. wiss. Kritik*, Berlin, 1838, December, стр. 841.

² Избран 14/2 декабря 1836 г., утвержден 7 апреля/26 мая 1837 г., прибыл в СПб. 8 апреля/27 мая 1837.

³ См. *Bibliographie Analyt.*, No No 51, 74, 118, 133, 148. — *Répertoire Chronologique d'Épigraphie Arabe*, t. VII, 1935, стр. 155, No 2649.

⁴ W. Barthold. *Gandja. Enz. d. Isl.*, II, 1927, стр. 136. — V. Minorsky. *Tiflis. Enz. d. Isl.*, IV, 1934, Lief. M bis, стр. 817—818. — M. Brosset. *Sur les portes de fer conservées au couvent de Gelath en Iméretie*. *Journal de St.-Petersbourg*, (28) 16 mars 1847, № 205. О повторениях и перепечатках этой статьи в русских изданиях см.: M. Brosset, *Bibliogr. Analyt.*, стр. 199, № 118.

⁵ См. биографию кн. М. С. Воронцова в *Нов. Энци. слов.*, Брокгауз — Ефрон, т. II, стр. 666—667. — Бахчисарайские арабские и турецкие надписи. Одесса, 1849, стр. 3. — M. Brosset. *Bibliogr. Analyt.*, стр. XXVI—XXVII.

⁶ Род. в Екатеринославе в 1806 г. Окончил Харьковский унив. в 1828 г.; с 1823 г. продолжал специальное образование в Одесском Вост. инст., по окончании которого был командирован в Константинополь и Смирну. С 1850 г. переводчик вост. яз. при кн. М. С. Воронцове. Ум. в Одессе в 1867 г. См.: Г. Г. Гульбин, *ук. соч.*, стр. 113—116.

⁷ Основано 23 апреля 1839 г.

⁸ Об отрицательном отзыве Григорьева у Н. И. Веселовского упоминает Г. Г. Гульбин, *ук. соч.*, стр. 114.

бовали редакции, которую взял на себя ориенталист А. Ф. Негри,¹ избранный в вице-президенты Одесского Общества истории и древностей с 1844 г., а подготовку всего издания к печати вел профессор восточных языков Ришельевского лицея В. Н. Кузьмин. Несмотря на компетентность руководства изданием, пожелание Френа не было учтено, и ни одна надпись в нем не была воспроизведена. Заслуги Н. Мурзакевича не исчерпываются привлечением внимания кн. Воронцова и ориенталистов к надписям в Бахчисарае. За статьей 1849 г. последовала вторая в 1850 г.² и присоединилась к ней статья о надписи из Старого Крыма.³

Х. Д. Френ неустанно словом и делом пропагандировал эстампирование надписей, но прогресса очень заметного не было. Известен между прочим следующий случай. Ориенталист петербургской школы А. О. Мухлинский совершил путешествие на Ближний Восток с весны 1834 г. по декабрь 1835 г. В Египте он провел пол года (прибыл в Александрию в конце августа 1834 г., уехал из Египта в феврале 1835 г.)⁴ и вывез арабское надгробие. Френ 23 февраля 1838 г. демонстрировал при докладе в Академии Наук точный оттиск с привезенной Мухлинским „очень старой“ надгробной надписи 232 г. х., который он принес в дар Азиатскому музею.⁵

Отличительной чертой Х. Д. Френа была отзывчивость на все научные запросы, от кого бы они ни исходили. Едва ли можно найти ученого в 40-х годах, серьезно интересовавшегося восточной нумизматикой, археологией и арабской эпиграфикой, деятельность которого не соприкасалась бы с Френом. В середине тридцатых годов Х. Д. Френ уже не был так одинок в своей работе в С.-Петербурге. Один за другим в Академию Наук вступили крупные ориенталисты. Член-корреспондент с 1835 г. Б. А. Дорн (1805—1881), адъюнкт Академии Наук с 1839 г., после профессуры по кафедре восточных языков в Харьковском университете получил кафедру истории и географии Востока в Учебном отделе Министерства иностранных дел и в С.-Петербургском университете.⁶ Он стал достойным продолжателем многих начинаний и традиций Френа, но в одной области оставил более значительный вклад.

¹ А. Ф. Негри род. в Константинополе в 1784 г., ум. в Одессе в 1854 г.; в 1818 г. ст. советник посольства в Персии; посол в Бухару в 1820—1821 г. С 1837 г. А. Ф. Негри принял участие в работах Одесск. общ. ист. и древн. „Все ценное, поступавшее туда на восточных языках, скоро переводилось при посредстве Негри на русский язык“. (См. Русск. биогр. слов., т. „Назак“, 1914, стр. 183—190. Бахчисарайские, арабские и турецкие надписи. Одесск. общ. ист. и древн. Одесса, 1849, стр. 3—4).

² Бахчисарайские арабские и турецкие надписи. Зап. Одесск. общ. ист. и древн., II, 2, Одесса, 1850, стр. 439—528.

³ Н. Мурзакевич. Эски-Крымская арабская надпись. Зап. Одесск. общ. ист. и древн., II, 2, Одесса, 1850, стр. 523—531.

⁴ См. его биографию: Wł. Kotwicz i M. Kotwiczówna. Orientalista Anton Muchliński życie i dzieła. Wilno, 1935.

⁵ Chr. W. Frachon. Sur une pierre tumulaire rapportée de l'Égypte par M. Moukhlin-sky. Bulletin scientifique de l'Académie Imp. des Sciences de St.-Petersbourg, t. IV, 1838, № 2 (№ 74), стр. 31 и сл. Ср. В. А. Крачковская. Арабские надгробия Музея Палеографии. Труды музея палеографии, III, Л., 1929, стр. 2, прим. 1, табл. V. Поминальная надгробная плита, вывезенная А. О. Мухлинским из Египта, после преобразования Азиатского музея в Институт востоковедения, обнаружена среди лапидарных материалов Отдела рукописей; в настоящее время она находится в Отделе востока Государственного Эрмитажа. — См. также Répertoire Chronologique d'Épigraphie Arabe, t. I, Le Caire, 1931, стр. 251, № 319.

⁶ Биографию Б. А. Дорна до 1863 г., см.: Gustave Dugast. Histoire des orientalistes de l'Europe du XII-e au XIX-e siècle, T. I. Paris, 1863, гл. IX, стр. 72—99.

Описание арабской астролябии в конце XVI в. на Западе было единичным;¹ только в последней четверти XVIII в. проявилось серьезное внимание к арабским астрономическим инструментам в различных странах Запада. Одной из первых стала известна нюрнбергская астролябия, благодаря Тихсену,² затем небесная сфера из „Museum Borgianum“, опубликованная Сим. Ассемани.³ Конечно, Френ в свою очередь не замедлил высказаться по этому вопросу в 1820 г.⁴ С той же тематикой связано несколько исследований Б. Дорна 1829—1844 гг. Первое из них — описание небесного глобуса, находящегося в Лондоне — издано до переезда Б. Дорна в Харьков, во время пребывания в Англии.⁵ Описание астролябий, находившихся в России (астролябии Публичной библиотеки в С.-Петербурге и в частных собраниях) осуществлялось уже в С.-Петербурге. В дальнейшем Б. Дорн углубил свои изыскания в этой области.⁶

Б. Дорн задумывался над важной не только для эпиграфистов проблемой транскрипции восточных слов и имен. Он снисходительно относился к неустойчивой передаче их у Френа и объяснял встречающиеся у него маленькие колебания большим интервалом времени между ранними и поздними отчетами о состоянии Азиатского музея. Однако сам Б. Дорн не отличался ни строгой принципиальностью, ни последовательностью в этом отношении. Вот как он смотрел на этот вопрос: „... надо только соблюдать единообразие, которое, как я вижу не без огорчения, не везде существует; настоящее произношение никогда не сможет быть воспроизведено“.⁷

М. Броссе, грузиновед по основной специальности, вполне естественно связал свою деятельность с Кавказом и кавказоведением, но способствовал также росту арабистики.⁸ Через месяц по прибытии в Россию в 1837 г. он писал редактору „Журналь Азиатик“ по поводу раннего применения арабских цифр на памятниках; он установил этот факт, изучая копию Дюбуа де Монпере в грузинской надписи XI в. на соборе в Кутанси.⁹ Дальнейшие публикации М. Броссе, имеющие прямое отношение к арабской эпиграфике, падают на сороковые и пятидесятые годы XIX в.

¹ Joh. Stoeffler. *Elucidatio fabricae usque Astrolabii*. Colon. Agripp. 1594, cum tab.

² Ol. G. Tyche sen. *Erklärung eines kufischen Astrolabiums*. *Memorabilia bibliothecarum Norimbergensium*... t. I, Norimb. 1785, табл. VII; t. II, 1788, стр. 318—321; *Murr's Journal*, t. XV, стр. 333—335, 338.

³ *Globus caelestis Cufico-Arabicus Veliterni Mus. Borgiani, a Sim. Assemano illustratus*. Patav., 1790.

⁴ Chr. M. Fraehn. *Astrolabii Norimbergensis saeculi XIII post Chr. Natum inscriptio cufica, novis post Tyche senium curis tractata*. *Mémoires de l'Académie imp. de St.-Petersbourg*, VIII, 1820 = *Antiquitatis Muhammedanae Monumenta Varia*. Part. II, 1822, стр. 73—75.

⁵ B. Dorn. *Description of an Arabic Celestial Globe*. *Transactions of the royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*, vol. II, London, 1830.

⁶ Он же. *Kurze Nachricht von zwei Astrolabien mit morgenländischen Inschriften*. *Bullet. scientif. de l'Académie imp. de St.-Petersbourg*, t. V, No 6, 1839, стр. 81—96, табл. А, В. — Он же. *Ueber ein drittes, in Russland befindliches Astrolabium mit morgenländischen Inschriften*, ib., t. IX, No 5, 1842, стр. 61—53, табл. А, В. — Он же. *Ueber ein viertes in Russland befindliches Astrolabium mit morgenländischen Inschriften*. *Bull. de la Classe hist.-phil. de l'Académie imp. de St. Pétersbourg*, I, 1344, t. I, стр. 353—366. Свои работы и все западно-европейские исследования ближневосточных астрономических инструментов, в том числе включенные в математические и астрономические трактаты, Б. Дорн пересмотрел подробно в монографии „*Drei in der kaiserlichen Bibliothek zu St.-Petersburg befindliche astronomische Instrumente mit arabischen Inschriften von B. Dorn*“ (*Mémoires de l'Académie imp. de St.-Petersbourg*, VII Série, t. IX, No 1. St.-Petersbourg, 1865).

⁷ См. В. Дорн, ук. соч., стр. XI.

⁸ Ср. выше, стр. 300—301 по поводу „Железных ворот“ в Гелатах.

⁹ См. *Journal Asiatique*, 3 série, t. III, mai 1837, 465—472. Ср. *Bibliographie Analytique*, стр. 106, No 57. — *Répertoire Chronologique d'Épigraphie Arabe*, t. VI. Le Caire, 1935, стр. 48—49, No 2096.

Кроме коллег близких специальностей, Х. Д. Френа окружали в Академии Наук представители младшего поколения. Старейшему основателю русского востоковедения выросла в стенах С.-Петербургского университета в середине 30-х годов достойная смена и вскоре выделились два ученика профессора Сенковского — Павел Степанович Савельев¹ и Василий Васильевич Григорьев.² Оба они с университетской скамьи поступили в Институт восточных языков при Министерстве иностранных дел, с октября 1834 г., в так называемое Учебное отделение Азиатского департамента. П. С. Савельев, не особенно усердно занимавшийся у Сенковского, пробыл в Учебном отделении год с небольшим. За это время П. С. Савельев и В. В. Григорьев сблизились. Свою востоковедческую линию оба нашли не сразу, но В. В. Григорьев еще в Одессе попал в атмосферу востоковедных интересов, занялся восточными монетами из кладов в России и Прибалтике и дал за 1841—1842 гг. две работы.³ П. С. Савельев скоро погрузился в литературную работу, следил со стороны за успехами востоковедения и примкнул к его движению сперва пассивно. Когда Френ пожелал сделать доступным для русских читателей напечатанный им „Топографический обзор раскопок старых русских денег в России...“⁴ и старался усилить приток в Академию монетных находок, то по его просьбе П. С. Савельев перевел и опубликовал это сочинение и извлечения из него в 1842 г.⁵ В процессе работы Савельев увлекся перспективами, которые восточная нумизматика сулила для истории Руси и Востока и стал серьезно ею заниматься. По словам биографа, В. В. Григорьева, П. С. Савельев „быстро подвинулся в куфической палеографии“.⁶ Это замечание поучительно: видимо и сам Григорьев смотрел на занятия восточной нумизматикой как на школу в арабской палеографии. Доказательством успеха Савельева на новом для него научном поприще служит заметка под заглавием: „Какая польза от восточных монет, находимых в России“, в которой он был уже в состоянии дать дополнение к работе Х. Д. Френа.⁷

В дальнейших работах В. В. Григорьева и еще в большей мере у П. С. Савельева, подобно Керу и Френу, преобладает нумизматика.

¹ Род. в 1814 г. в С.-Петербурге, ум. в 1859 г; в С.-Петербургском университете 1830—1834 гг.; член-учредитель Археол.-нумизматического общества в 1846 г.; секретарь того же общ. с 10 января 1849 по 16 декабря 1851 г.; секретарь Восточного отделения общ. с 22 декабря 1851 по 1858 г.

² Род. в 1816 г. в С.-Петербурге, ум. в 1881 г. там же. Окончил С.-Петербургский университет в 1834 г. со званием кандидата. Преподавал в Ришельевском лицее в Одессе в 1836—1844 гг. Профессор С.-Петербургского университета 1863—1881 гг. См. Н. И. Веселовский. В. В. Григорьев по его письмам и трудам. 1816—1881. СПб., 1887. — Г. Г. Гулябин, ук. соч., стр. 199—201.

³ Описание куфических монет X в., найденных в Рязанской губ. в 1839 г. Изд. Одесского общества истории и древностей. СПб., 1841. — О куфических монетах, найденных в России и прибалтийских странах, как источниках для древнейшей отечественной истории. Одесса, 1842 (Записки Одесского общества истории и древностей).

⁴ Topographische Uebersicht der Ausgrabungen vom alten arabischen Gelde in Russland nebst chronologischer und geographischer Bestimmung des Inhalts der verschiedenen Funde. Bulletin scientifique de l'Académie imp. des sciences de St.-Pétersbourg, t. X. 1841. №№ 20—21.

⁵ П. С. Савельев. О восточных монетах, найденных в России. Исследования ак. Френа. Сын отчества на 1842 год, месяц июль, отд. 51—100. — Он же. Клады с восточными монетами, найденные в России. С.-Петербургские ведомости на 1842 г., №№ 235—238; Московские ведомости, 1842, №№ 95—97.

⁶ В. В. Григорьев. Жизнь и труды П. С. Савельева, преимущественно по воспоминаниям и переписке с ним. СПб., 1861, с.р. 31; 67—68.

⁷ См. заметку: Сын отчества, 1842, № 10, окт., Отд. 7, „Смесь“, стр. 30—31.

Дело не в слепом подражании авторитетнейшему предшественнику, а в напыле из пределов отечества свежего материала, первоэзрядное значение которого так ясно обрисовалось в работах Френа. Занявшись нумизматикой, исследователь неизбежно становился палеографом-практиком, хотя и сравнительно узким, в рамках, которые диктовала специфика нумизматики. Расширение палеографических знаний было возможно с привлечением объектов другого рода, *de visu* или в точных воспроизведениях. Но в начале XIX в. их было известно очень мало и потому каждая новинка долго обсуждалась чуть ли не всеми существующими ориенталистами.

Любопытно, что к надписи на мантии Рожера II, ставшей уже достоянием историков, вернулся в 1846 г. французский ориенталист Ж. Т. Рейно (Joseph-Toussaint Reinaud, 1795—1867). Здесь арабский текст с французским переводом установлен был по кальке 1818 г., находившейся в библиотеке Барберини (Barberini) в Риме. Публикуя арабскую транскрипцию надписи, Рейно предполагал, что до него ни один ориенталист не издавал текст полностью,¹ хотя его редакция только в двух словах отличается от чтения, принятого Х. Д. Френом в 1818 г. Расхождение в определении спорных знаков „даль“ и „ра“, в одном случае в лигатуре „лām-джīm“ или „лām-мīm-джīm“ — в другом случае, иллюстрирует те трудности, которые ставил перед каждым палеографом арабский шрифт из-за тождества в начертании нескольких знаков. С 1846 г. редакция текста, вышитого на мантии, не подвергалась изменениям и опубликована шведским ориенталистом К. Цеттерстееном (Karl Zetterstéen) в 1935 г. по упсальской копии в том же контексте, но с добавкой точного определения характера шрифта: „цветущий кўфй“.² Два года спустя в очередном, VIII т. сводного издания „Хронологический список арабских надписей“, 1937 г. (стр. 184, № 3058), к сожалению, публикация К. Цеттерстеена прошла незамеченной. Приходится также пожалеть, что два места текста не были пересмотрены вновь.

Сопоставленные в статье Х. Д. Френа на латинском языке³ в § 3, под заглавием „Критические и филологические замечания“, на стр. 543 слова из текста мантии, где встречается буква „даль“, склоняют на его сторону; приходится предпочесть прежде всего по палеографическим данным чтение „би-л' иззи ва-р-ри' айати в.м. ва-д-ди' айати...“ (рис. 5). Этот вариант подсказывает также следующее рифмующее словосочетание: „ва-л-хифзи ва-л-химайати“ т. е. (пожелание) „славы и управления, и сохранения, и защиты“. Х. Д. Френ, по обычаю, тщательно проштудировал статью Де-Мурра и на таблицах к ней перенумеровал слова; данная группа обозначена № 23—31 на экземпляре Френа в ИВ АН СССР. Транскрипция второго слова (№ 8) у Х. Д. Френа *ал-джадд*, в.м. *ал-маджд* (рис. 6) также вполне приемлема, так как в графике его коленчатые изгибы между буквами „лām“ и „джīm“ не обязательно понимать как незамкнутый „мīm“: такие изгибы свойственны „кўфй“ данного типа. Этот пример показывает всю тонкость подхода Х. Д. Френа к памятнику и напоминает о необходимости не забывать его труды.

На базе френовских работ выросла и была опубликована в 1844—1846 гг. „Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории“ Савельева, с топографией кладов VIII—XI вв. в России и Прибалтике

¹ См. Journal Asiatique, 4-me série, T. VII, стр. 383: „...aucun, je crois, ne l'a rétablie en entier“.

² Zetterstéen, ук. соч., стр. 19.

³ Inscriptionis cuficae palii imperatorum germanicorum inauguralis interpretandae spicilegium.

и картой.¹ Она важна и помимо поставленных в ней задач. Работа получила прекрасные отзывы от двух строгих критиков — Френа и Дорна — и была премирована. Торговые пути Руси, намечаемые по монетным наход-

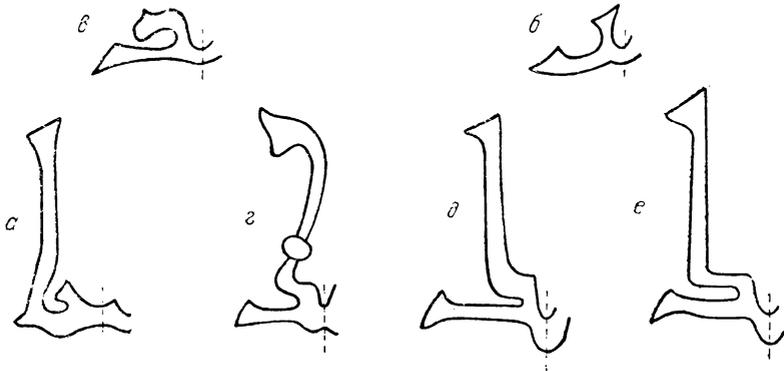

Рис. 5. Буквы из шигэй надписи на мантии Рожера II: а — б; —rā; а₂—е — дāль.

кам, были проводниками вещевых материалов с Востока, а последние во многих случаях полезны для палеографа. П. С. Савельев (рис. 7) указывал,

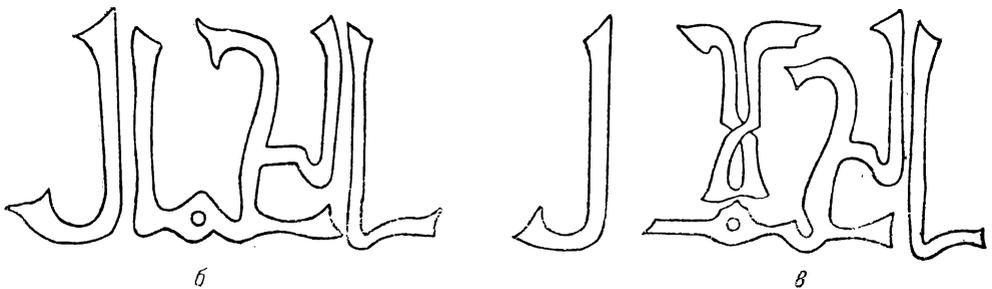

Рис. 6. Детали шигэй надписи на мантии Рожера II: —^аالمجد или —^бالمجد;
—^аالجمال; —^бالجلال.

что надписи на арабских монетах содержат данные для географии, исторических дисциплин и письменности и что год и место чеканки всегда изо-

¹ В. В. Григорьев, ук. соч., стр. 96—70; анализ монографии там же, приложение V, стр. 302 сл. — И. Н. Березин. Ж. М. Н. П., 1917, ч. 55, авг. отд. 4, стр. 128—136 (рецензия).

бражены на них буквами.¹ Само название „куфических“ монет он производил „от города Куфы, где установлено старинное арабское письмо, употребленное для их надписей“ и ссылаясь при том на работы Адлера, Тихсена и Сильвестра де-Саси.² О взглядах на этот вопрос Ж. Марселя он умалчивает, между тем здесь Марсель стоял на правильной точке зрения. В дальнейшем П. С. Савельев и его друг В. В. Григорьев не отрывались от нумизматических тем. Благодаря В. В. Григорьеву, заинтересованные лица могли познакомиться еще с характером оформления ярлыков, т. е. указов Золотоордынских ханов.³

Немного моложе П. С. Савельева и В. В. Григорьева был Илья Николаевич Березин. Девятнадцатилетним юношей, в 1837 г., он вышел со степенью кандидата исторического факультета из Казанского университета (род. 1818, ум. 1896 г.). В 1841 г. он сдал магистерские экзамены и отправился в путешествие на Восток, продолжавшееся три года (1842—1845). Главные линии исследований И. Н. Березина составляли история Востока и лингвистика, но он не уклонился от нумизматики и палеографии, хотя и обратился к ним несколько позднее. С лапидарными памятниками и арабской эпиграфикой он столкнулся непосредственно еще в Дагестане и Закавказье в начале путешествия, отчеты о котором он направлял в Казань.⁴ Отклик на работы И. Н. Березина со стороны П. С. Савельева, который неустанно пропагандировал словом и делом изучение восточной нумизматики и археологии в России,⁵ последовал в 1847 г.⁶

В 1849 г. И. Н. Березин опубликовал первый том „Путешествия по Востоку“, охватывающий Дагестан и Закавказье, который на следующий год вышел вторым изданием,⁷ рецензия П. С. Савельева появилась немедленно,⁸ а когда Березин посвятил специально небольшую статью арабским надписям в Дербенде,⁹ Савельев сопроводил ее примечаниями.¹⁰

Следующий по возрасту, будущий востоковед, Николай Владимирович Ханьков (1822—1878 г.) окончил Царскосельский лицей в 1837 г. и только два года слушал лекции в С.-Петербургском университете. Служебное положение с самого начала заставило его соприкоснуться с Востоком в должности чиновника особых поручений Оренбургского губернатора (1839 г.) и переводчика Азиатского департамента (с 1840 г.). В короткий срок Н. В. Ханьков совершил два путешествия по Средней Азии: при экспедиции в Хиву (с сентября 1839 по апрель 1840 г.) и с посольством

¹ П. С. Савельев, ук. соч., ч. 1, гл. XV.

² П. С. Савельев, ук. соч., гл. XI, XV.

³ В. В. Григорьев. Ярлыки Тохтамыша и Сеадет-Гирея в литографированных снимках работы К. Я. Трамонина. Археологический вестник, 1844, 1, стр. 337—347.

⁴ См. Ученые записки Казанского университета, Казань, 1845, т. I, III.

⁵ См. речь П. С. Савельева „О важности изучения восточной нумизматики и археологии в России“, произнесенную 13 января 1847 г. на заседании Археологическо-нумизматического общества; (Mémoires de la Société d'Archéologie et de Numismatique de St-Petersbourg, т. I, 1847, стр. 191—200). Русский перевод речи см.: Ж. М. Н. П. на 1847 г., ч. III, отд. II, стр. 262—272. Ср. Изв. РАО, II, вып. 2, 1861, стр. 66.

⁶ См. заметку: Трехлетнее путешествие по Востоку профессора Березина. Финский Вестник на 1847 год, № VIII, Смесь, стр. 20—22; ср. В. В. Григорьев, ук. соч., Прилож. I, стр. 195, № 55.

⁷ Казань, 1850.

⁸ В Ж. М. Н. П., на 1850 год, ч. I, XV, отд. VI, стр. 103—119.

⁹ Записки СПб. Нумизматического общества, II, 1850, стр. 64—68, рис. V—VI—Mém. de la Soc. Archéol. et Numism., т. V, 1851, стр. 67—70, табл. III—IV.

¹⁰ Там же, стр. 68—71. — В. В. Григорьев, ук. соч., Прилож. II, стр. 180, № 15.

Рис. 7. Портрет П. С. Савельева.

в Бухару (в мае 1841 г., закончившемся летом 1842 г.). Немедленно монетное собрание Азиатского музея пополнилось средне-азиатскими монетами.¹ Монография Н. В. Ханыкова „Описание Бухарского ханства“ (СПб., 1843) представляет до настоящего времени один из классических трудов в области изучения истории и культуры Средней Азии. В этой ранней работе автор упоминает цитаты из Корана в Гур-и Эмире в Самарканде, на стенах первой комнаты, а во второй комнате — гробницы Тимура и его потомков, наконец — плиты с надписями в склепе.

Любопытны сообщаемые Н. В. Ханыковым сведения о переплаве на медную монету при амире Хайдаре бронзовых створ с восточного входа в мечеть Бибй Ханым, и предание о грандиозном Коране с огромными буквами; эту рукопись видел в семидесятых годах XVIII в. Филипп Ефремов.² Никаких надписей Н. В. Ханыков не скопировал, возможно, из-за неблагоприятной обстановки. Тем не менее, беглый просмотр содержания текстов и все разнообразие шрифтов дали превосходную практику в чтении восточных монументальных надписей на арабском и персидском языках, которой в С.-Петербурге он не имел. С января 1845 г. Ханыков переводится на Кавказ.³

В начале сороковых годов развернулась деятельность Гордия Семеновича Саблукова (1804—1880 г.). Около 1841 г. он разбирал по поручению Саратовского архиерея восточные древности нижнего Поволжья из Укека (Увека) и Царева и описывал монеты. Благодаря знанию татарского и арабского языков, занятиям историей Кипчакской орды, в частности исследованию о месте кипчакской столицы⁴ и восточной нумизматикой,⁵ он стал полезным консультантом А. В. Терещенко при раскопках Сарая в 1843—1844 гг. В качестве рецензента очерка Г. С. Саблукова о „Внутреннем устройстве Кипчакского царства“ выступил В. В. Григорьев.⁶ Еслед затем Г. С. Саблуков начал переписку с Х. Д. Френом по вопросу описания джучидских монет, благодаря последнему получал необходимые академические издания и книги из личной библиотеки Френа.

Когда в 1849 г. Г. С. Саблуков покидал Саратов, так как был переведен в Казань, сослуживцы по Саратовской духовной семинарии поднесли ему серебряный, вызолоченный кубок, украшенный изречениями, как нельзя лучше подходящими для скромного востоковеда: на татарском, арабском, еврейском и персидском языках повторялись слова, характеризовавшие в высшей степени достойную личность Г. С. Саблукова;⁷ построение надписи не случайное: она остроумно была составлена в духе типичных арабских пожеланий „славы, успеха, процветания, долгоденствия...“ и тому подобных часто встречающихся выражений.

¹ В. Дорн, ук. соч., стр. 103, 683, 691.

² Н. В. Ханыков. Описание Бухарского Ханства, стр. 102—104. — Странствование Филиппа Ефремова. Казань, 1811, стр. 17, 94 и др. Ср. V. V. Véliaminof-Zernof, *Mél. Asiat.*, III, стр. 578, прим. 7; 580, прим. 12.

³ См. *Quelques inscriptions mus. d'Ani...* (Письмо 28 января 1849 г. к М. Броссе). *Bull. hist.-philol. de l'Académie de St.-Petersbourg*, VI, № 13—*Mél. Asiat.*, I 1852, 70—73.

⁴ Г. С. Саблуков. Исследование о месте Сарая — столицы Кипчакской Орды. Уч. зап. Каз. унив., 1842, II, стр. 55—75. — Он же. Очерк внутреннего состояния Кипчакского царства. Саратовские губ. ведомости, 1844, №№ 26—36.

⁵ Он же. Монеты Золотой Орды. Саратовские губ. ведомости, 1844, №№ 2—4.

⁶ Отзыв о первом издании напечатан в 1845 г. под заглавием: „О местоположении столицы Золотой Орды — Сарая“, стр. 40, 86, 87.

⁷ Биография Г. С. Саблукова см. Русск. биогр. словарь, т. „Саб — Смы“, 1900, стр. 11 и сл. — И. Ю. Крачковский. Чернышевский и ориенталист Г. С. Саблуков. Сб. „Н. Г. Чернышевский“. Труды Научной сессии к пятидесятилетию со дня смерти. Изд. Ленингр. гос. унив., Л., 1941, стр. 34—45. — Г. Г. Гульбин, ук. соч.

За двадцать пять лет директорства в Азиатском музее к шестидесяти годам Х. Д. Френ утомил зрение напряженной работой над рукописями и монетами, и потому оставил музейную деятельность в 1842 г. Своему преемнику Б. Дорну он передал музейные фонды в образцовом порядке, распределенными на пять отделов. В третий отдел вошли, кроме рукописей на еврейском языке, рисунки и оттиски с монументальных надписей арабским шрифтом, частью с переводами Х. Д. Френа,¹ гравированные на меди изображения восточных монет из статей Френа,² изображения предметов из коллекций Азиатского музея и иных хранилищ.³ Четвертый отдел, называвшийся „Минцкабинет“, представлял редчайшее собрание монет, по преимуществу из восточных стран и чеканенных мусульманскими правителями.⁴ Наконец, пятый отдел содержал древне-восточные подлинные памятники, мусульманские и всякие азиатские редкости. При передаче музейного имущества Х. Д. Френ вручил Б. Дорну собственноручную опись всех предметов V отдела в количестве 65 номеров, принесенных в дар, приобретенных на скромные отпускаемые суммы или найденных на городищах и в руинах.⁵

Покинув пост директора Азиатского Музея, Х. Д. Френ не порывал связи с ориенталистами и деятелями столицы и окраин. В сороковых годах переписка и научный обмен с Кавказом заметно оживились. Одно за другим входили в Азиатский музей интересные поступления от представителей администрации и военных чинов. В 1837 г. на Кавказе выполнял административные поручения член Государственного совета барон фон-Хан (von Hahn). В 1840 г. он подарил Минцкабинету изображение резаной на камне надписи из селения Кубачи, копии с одиннадцати надписей из Дербенда и листок куфического Корана из Баку,⁶ а в 1841 г. доставил копии нескольких надписей из Бакинской провинции в арабской транскрипции, с русским переводом.⁷ Аналогичные поступления связаны с именем генерала Феси (Fähsî).⁸ К сожалению, все копии изобилуют ошибками.⁹

В 1844 г., 24 февраля прибыл впервые на Кавказ геолог Герман Вильгельмович Абих (1806—1886 гг.). Сорок два года жизни он посвятил исследованию кавказских гор. Его путевые письма за десять лет насыщены интереснейшими наблюдениями природы и описаниями древностей в прекрасном эпистолярном стиле.¹⁰ Одним из иностранных предшественников Абиha на Кавказе в ближайшие годы был доктор медицины и философии профессор есествознания в Иене К. фон Кох (von Koch), посетивший Грузию в 1836—1838 гг. и собравший ряд грузинских надписей.¹¹ Впослед-

¹ В. Dorn, ук. соч., стр. 125 и сл.: Zeichnungen und Abdrücke, №№ 105—112, 115—117; с переводами — № 107, А и Т.

² Там же, № 120.

³ Там же, № 131.

⁴ Там же, №№ 128—131.

⁵ Там же, №№ 131—141.

⁶ Там же, стр. 91—92; 125; III Abt., № 107.

⁷ Там же, стр. 125, № 108.

⁸ Там же, стр. 91, под 1840 годом.

⁹ Ср. там же отзыв Броссе, стр. 691—692, Beil., № 146.

¹⁰ Aus Kaukasischen Ländern. Reisebriefe von Hermann Abich. Herausgegeben von dessen Witwe, В. I., Wien, 1896, Vorwort, VII; в дальнейшем цитируется сокращенно: Abich, Reisebr.

¹¹ M. Brosset. Quelques remarques sur un livre intitulé: „Reise durch Russland nach dem kaukasischen Isthmus, in den Jahren 1836, 1837, 1838, von K. Koch...“ Stuttgart u. Tübingen, 1843, vv. I—II, 8e. Bull. hist.-phil., t. IV, 1843, Col. 49—80 = № 4, 5, émis le 23/11 mars 1847. — M. Brosset, Bibliogr. Analyt., стр. 198, № 117.

ствии в специальной статье о Гелатском монастыре он коснулся знаменитой „Железной двери“.¹

Путешествие на Кавказ Абих задумал в 1842 г. и еще до выезда из С.-Петербурга собирался побывать в Ани. Одиннадцатого января 1844 г. он писал родным и предвкушал удовольствие от экскурсии к руинам знаменитого города, который бегло повидали Кер Портер, Хамильтон, Кох:² „Я буду так счастлив с должным досугом посетить удивительное городище Ани...“.

Параллельно с откомандированием Абиха началось в мае 1844 г. второе путешествие по Кавказу М. Броссе; продолжалось оно до 15 сентября 1844 г. Поездку в Ани Абих совершил после отъезда Броссе, 24 октября 1844 г., и описал подробно результат осмотра городища в письме к своей матери от 15 февраля/30 января 1845 г. Абих в полной мере понял значение анийских руин и надписей для истории Армении.³ По возвращении в Тифлис он отложил все прочие занятия и тщательнейшим образом обрабатывал все собранные снимки надписей, планы городища, чертежи и рисунки памятников, чтобы послать их вместе с официальным письмом министру народного просвещения, и успокоился только тогда, когда все намеченное закончил. Представленным отчетом о древностях Ани Абих рассчитывал заинтересовать министра. В письме от 28 января 1845 г. он писал:⁴ „У меня трудная задача обработать все мои съемки в Ани; это завершилось, я закончил начисто три больших листа и я знаю, что по ним можно сразу гравировать на меди... Я хочу иметь надписи Ани, я этого могу достичь, если я выеду в конце июля... Чтобы склонить министра к моему желанию, я ему написал и послал ему мои работы об Ани. Теперь все могло бы быть исчерпано, почему должна пройти эта возможность неиспользованной... Мои исследования в Ани могут принести много пользы истории Армении, и уже они одни могли бы ведь вознаградить путешествие сюда...“

Археологи и эпиграфисты одинаково многим обязаны Абиху-геологу, с достойным преклонением усердием копировавшему надписи.⁵ Заблуждения Абиха в определении шрифта и языка текста, что случилось, например, при перечислении надписей на главной стене мечети Ману́чехра, извинительны для не-ориенталиста: самую выдающуюся по размерам арабскую кувическую надпись он принял за армянскую, но зато одним намеком в начале той же фразы письма он заставляет предполагать, что в его время на другом минарете, ближе к середине города, находился, кроме известной персидской надписи, пояс кувической надписи крупного масштаба.

Вскоре состоялось назначение князя М. С. Воронцова на Кавказ. В приложении к археологии, лингвистике, эпиграфике это назначение создало с этого времени в Закавказье более благоприятные условия

¹ Н. Кох. Das Kloster Gelathi (Ausland, 1843, 78). — См. выше, стр. 300—301, 303, прим. 8.

² Н. Абих, ук. соч., стр. 1, 8 и 180. (Письма Абиха цитируются в переводе В. Крачковской).

³ Там же, I, стр. 178—205, № 18, 5/17 декабря 1844 г.

⁴ Там же, № 19. Письмо было доложено М. Броссе в заседании Академии Наук (26) 14 марта 1845 г., незадолго до выезда Броссе на Кавказ, и опубликовано в Bull. hist.-phil., t. II, col. 351. — Ср. M. Brosset, Bibl. Analyt., стр. 190—191, № 111.

⁵ Ср. M. Brosset, Bibl. Analyt., стр. 293, 296, 212, 294, 302, 303, 311. — Ср. Н. Я. Марр, резюме доклада „История Ани и раскопки на месте городища“. ЗВО, т. XVII, СПб., 1907, стр. XXV.

работы. С января 1845 г. в дипломатической канцелярии Главного управления Закавказского края уже состоял Николай Владимирович Ханьков, которому был открыт доступ к наместнику. У М. Броссе возник в 1847 г. проект большого археологического путешествия по Закавказью, чтобы выяснить многие вопросы из истории Грузии, изучить надписи и документы. М. Броссе вступил в переписку с хорошо ему знакомым Н. В. Ханьковым; через последнего о планах М. Броссе был осведомлен граф Воронцов, который поддерживал проект экспедиции и согласился финансировать ее в значительной мере.¹ Подробный план путешествия и смету вырабатывал Н. В. Ханьков.

В августе 1847 г. М. Броссе выехал из С.-Петербурга, а с сентября по июль 1848 г. разъезжал по Кавказу. Четыре дня в июне он посвятил специально осмотру собора в Гелатах, проверяя, очевидно, свои соображения относительно „Железной двери“, высказанные в 1847 г.² Из отчетов М. Броссе, представленных наместнику, в третьем проанализированы, между прочим, надписи, собранные Абигом в Ани.³ К третьему отчету присоединено описание поездки в Ани Н. В. Ханькова 25/13 декабря 1848 г., во время которой Ханьков увидел своими глазами и списал ряд анийских надписей.⁴ Н. В. Ханьков сообщал в послании к М. Броссе, 28 января/9 февраля 1849 гг. о поездке в Ани, тексты нескольких анийских надписей и одной надписи из „Шиховой“ деревни около Баку, наконец, о двух монетах XIX в., поднесенных им Академии Наук.

Значение этого послания, где впервые фигурировала копия текста ярлыка Хулагидского хана Абӯ Са'йда и надписи 595/1198—1199 г. на минарете Кей Султана (обе на персидском языке), хотя и с небезупречным чтением, было столь важно, что Броссе доложил в извлечениях письмо Ханькова на заседании историко-филологического отделения Академии Наук 4 апреля/23 марта 1849 гг. — всего через шесть недель после отправки его Н. В. Ханьковым. В печатном виде эти выдержки появились 31/19 мая 1849 г., с комментариями и объяснениями Б. Дорна и М. Броссе, которые говорят о живом интересе, вызванном сообщением Ханькова.⁵ В сентябре 1849 г. Н. В. Ханьков находился в С.-Петербурге и подписал для печати 10/22 сентября свой отчет⁶ о поездке в Ани, совершенной в декабре 1848 г. Последний был тоже должен М. Броссе на заседании Академии Наук 3 сентября/21 ноября 1849 г. Так началась серия публикаций Н. В. Ханькова и М. Броссе, развернувшихся шире во второй половине XIX в.

С 1850 г. на Кавказ был переведен И. А. Бартоломей (1813—1870 г.). Страстный любитель нумизматики, превратившийся в замечательного знатока и коллекционера, он содействовал процветанию всех интересую-

¹ См. *Bibl. Analyt.*, стр. XXVI—XXVII.

² *Sur les portes de fer conservées au couvent de Gelath en Imerétie*. Ср. выше, стр. 300—301; 303, прим. 8; 310.

³ M. Brosset. *Rapport sur un voyage archéologique dans la Géorgie et dans l'Arménie, exécuté en 1847—1848 sous les auspices du Prince Vorontzof, Lieutenant du Caucase, par... Avec un Atlas de 45 planches lithographiées*. St.-Petersbourg, 1851. Третий отчет вышел 1-ым выпуском в 1849 г. Ср. *Bibl. Analyt.*, стр. 195, № 148, стр. 84—114.

⁴ M. Brosset, *ук. соч.*, *Excursion à Ani en 1848 par M. N. Khanykof*, стр. 133—143.

⁵ *Quelques inscriptions d'Ani et des environs de Bakou; extrait d'une lettre de M. Khanykof*. *Bull. hist.-phil.*, t. VI, 1849, col. 193—200 = *Mél. Asiat.*, I, 1852, стр. 70—78. Ср. там же, стр. 553, о поправке Дорна к чтению надписи в мечети Бибй Халифа.

⁶ Отчет включен в работу М. Brosset, *ук. соч.*, I livraison, 1849, III Rapp., под заглавием: „*Excursion à Ani en 1848*“ стр. 121—150; на стр. 144, прим. I помещен отзыв профессора С.-Петербургского университета, Шейха Тантави.

щих нас дисциплин. На Кавказе он провел двадцать последних лет своей жизни. До перевода на Кавказ И. А. Бартоломей был одним из деятельных членов и членом-учредителем Русского Археологического общества, которое возникло, как известно, 15 мая 1846 г. по инициативе хранителя Эрмитажа Кёне, при содействии нумизмата Рейхеля. В программе работ общества особенно было выдвинуто изучение археологии и нумизматики, западной и восточной, новейших времен, причем „новейшие“ противопоставлялись классической древности. Секретарем общества был И. А. Бартоломей, который наблюдал за изданием первого выпуска первого тома „Записок“ Археологического общества до 10 января 1849 г. В конце 40-х годов, при разделении общества на отделы, был выделен Отдел II Восточной археологии.

Не менее, если не более активным деятелем Археологическо-нумизматического общества, особенно Восточного отделения, стал П. С. Савельев. В речи, произнесенной на заседании в начале второго года существования этого научного объединения (13 января 1847 г.), П. С. Савельев красноречиво говорил „о важности изучения восточной нумизматики и археологии“, и о той помощи, которую арабская палеография может оказать при определении недатированных предметов с арабскими надписями различных периодов, находимых в России.¹

Итак, в середине XIX в. в России группа ученых, обладавших специальными знаниями, с увлечением исследовала вопросы, для разрешения которых одним из средств была эпиграфика арабская и палеография. Нумизматика и археология завоевали прочное положение. Появились на смену Х. Д. Френу новые эпиграфисты, и когда престарелый ученый доживал в 1851 г. свои дни, он вправе был надеяться, что дело его жизни не умрет, будет расширяться и расти. Впрочем, вероятно, не без горечи читал он транскрипции надписей в Баку и в Бакинском уезде, которые И. Н. Березин опубликовал в Прибавлении к первому тому „Путешествия по Востоку“. Копии были сняты учителем Бакинского уездного училища муллою Абдуль Рахимом Имам Алиевым, и, хотя в издании значилось, что они проверены на месте, изобиловали ошибками.² Неутешительно было также, что И. Н. Березин, вопреки стараниям Х. Д. Френа, не уклонялся от термина „карматский“, заведомо неверного.³ В области эпиграфики и палеографии И. Н. Березин несомненно не сумел подняться до уровня Х. Д. Френа, но П. С. Савельев, В. В. Григорьев и Н. В. Ханьков в своих трудах во второй половине XIX века достойно продолжали заветы первого эпиграфиста в России.

¹ Напечатана в „Mémoires de la Société d'Archéologie et de numismatique de St.-Petersbourg“ (Livres II, стр. 191—200); в русском переводе: Ж. М. Н. П., 1847, № 8, отд. отт., стр. 1—15.

² См. Прибавление к I т., „Путешествие по Востоку“, т. II, стр. 61—72.

³ Путешествие по Дагестану и Закавказью. Казань, 1850, Изд. 2, ч. II, стр. 22.— Inscriptions de Derbend, стр. 70.